

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

ПОДСТАВА

ИЛИ
ПОСТОЙ,
ПАРОВОЗ!

Владимир Григорьевич Колычев
Постой, паровоз!
Серия «Колычев. Мастер
криминальной интриги»
Серия «Колычев. Русский шансон»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164801

Владимир Колычев. Постой, паровоз!: Эксмо; Москва; 2007

ISBN 978-5-699-21493-8

Аннотация

Зиновий Нетребин, на свою беду, влюбился в красивую, но уж больно коварную женщину Наталью.

По приказу вора в законе Черняка подставила его любимая – сама застрелила мента, а оружие подбросила Зиновию. Конечно, он понял, что произошло, но не выдал Наталью, не смог перебороть свое чувство к ней. Его обвинили в убийстве и приговорили к длинному сроку. Так бы и сгинул он на зоне, если бы не случай. Нетребину удалось бежать, он оказался на воле.

Теперь только одно мешает ему жить – жажда мести своему извечному врагу...

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
1	5
2	12
Глава 2	25
1	25
2	31
3	37
Глава 3	44
1	44
2	59
Глава 4	66
1	66
2	72
3	82
Глава 5	86
1	86
2	87
3	96
Глава 6	101
1	101
2	106
Глава 7	117

Конец ознакомительного фрагмента.

Владимир Колычев

Постой, паровоз!

Часть первая
1982—1983 гг.

Глава 1

1

Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в багровые тона, стройные ряды подсолнухов держали строгое на него равнение. Скоро солнце скроется за горизонтом, но никуда не деться теплу прогретой за день земли. И вода в озере останется теплой. Хорошо там, за окном: чудная погода, чудный пейзаж – озеро в окружении подсолнуховых полей, темная полоска леса вдали...

Но столь живописная картина наблюдалась только за окном, которое выходило на запад. В маленькой угловой комнате было и другое, западное окно. Отсюда открывался совсем другой вид. Железнодорожные пути, подвесные элек-

трические линии, склады и платформы товарной станции. Тоже пейзаж, но вовсе не чудный. Хотя и здесь хватало своих ярких красок. Но сейчас со специальной платформы шла погрузка заключенных в «нулевые» вагоны, и серая палитра напрочь подавляла все светлые тона...

Зэков было много – человек сто, не меньше. Все налысо обритые, все сидели на корточках в окружении конвоя. И без того напряженную и унылую атмосферу усиливал лай сторожевых овчарок. Не хотел бы Зиновий попасть в гущу этих людей, которых и людьми-то можно было назвать с большой натяжкой. Убийцы, насильники, воры. Одним словом, отбросы общества...

Да и не мог Зиновий среди них находиться. Он – законопослушный член советского общества. Закончил школу, профтехучилище, отслужил в армии. Хотя, если разобраться, грешки за ним есть. Его могли привлечь за тунеядство: полгода прошло с тех пор, как он вернулся из армии, но на работу так и не устроился. Плюс – увлечение радиотехникой, а точнее, баловство в радиоэфире, за которое при определенных обстоятельствах можно было схлопотать срок до полутора лет лишения свободы. Но, во-первых, вопрос с работой уже почти решен, а во-вторых, он хоть и не новичок в радиоэфире, но еще ни разу не попадался, а это значит, что пока ему грозит лишь конфискация аппаратуры и пятьдесят рублей штрафа. Короче говоря, его грешки – сущий пустяк по сравнению с тем, чем отягощены души уголовников. Им

воздалось по их грязным заслугам – что посеяли, то и пожали...

Зиновий наблюдал за этапом из окна. Ему совсем не было жаль этих людей. Но все же шевельнулась авантюрная жилка в его душе. Та жилка, которая заставляла его включать самодельную радиостанцию и по часу, а то и по два в день крутить в эфире музыку непонятно для кого. И сейчас он сделает то же самое – не через радиоэфир, а напрямую. Есть магнитофон, есть усилитель, есть колонки. И концерт памяти Аркаши Северного есть. Александр Розенбаум и братья Жемчужные. Для зэков это будет как бальзам на душу.

Сначала был «Извозчик».

*Извозчик, отвези меня, родной
Я, как ветерок, сегодня вольный...*

Усилитель и динамики достаточно мощные, да и расстояние до платформы не самое большое – метров пятьдесят от окна (ну, может, чуть больше). Слышат уголовники музыку. Зиновий стоял у окна с видом виновника торжества и видел, как реагируют на него зэки. Кто-то рукой помашет, кто-то злобно сплюнет в его сторону. Большинство же слушало песню внешне безучастно.

И конвоиры слушали, и их начальники. Все они люди, всем скучно стоять на жаре в ожидании вагонов. А в музыке ничего особо крамольного нет.

Очередь дошла и до «Снегирей».

*А в небе синем алели снегири,
И на решетках иней серебрился...
Сегодня не увидеть мне зари,
Сегодня я в последний раз побрился...*

В этой песне уместилась короткая история парня, приговоренного к расстрелу. Из-за какой-то Натахи пострадал. Она опера убила, а он, глупый, взял всю вину на себя.

*Ах, мама, мама, ты мой адвокат,
Любовь не бросить мордой в снег апрельский,
Сегодня выведут на темный двор солдат,
И старшина командует им: «Целься!»...*

Трогательная песня, душещипательная. Зэки слушали ее с таким видом, как будто их самих везли на «темный двор» для встречи с расстрельной командой.

Концерт по собственной заявке самозванного диск-жокея не оборвался даже с появлением вагонов. Шум подаваемого состава, крики-команды конвоиров, лай собак. В такой суматохе не до музыки. Но бобины продолжали крутиться.

Зэков затолкали в один-единственный вагон. А колонки все еще надрывались:

*Фраер, толстый фраер,
На рояле нам играет...*

Но вот вернулась с работы Люда, и музыку пришлось свернуть.

– Рехнулся, что ли? – смахивая со лба жирные капли пота, выдала она. – На всю ивановскую слышно!

Зиновий робко развел руками и так же робко улыбнулся.

– Э-эх, шарманщик ты мой! – смилостивилась она.

И в знак своего особого расположения потрепала его по загривку. Кроме того, именно это особое расположение уже два месяца было закреплено штампом в общегражданском паспорте, где гражданка Яхнова Людмила Михайловна в графе «Семейное положение» значилась в качестве законной супруги.

Люда была почти на десять лет старше Зиновия.

Красивые светло-карие глаза. Пожалуй, на этом перечень ее внешних достоинств исчерпывался. Пухлое лицо, рыхлые рубенсовские формы. Она добела обесцвечивала волосы гидроперитом, из-за чего вечно розовые щеки казались неприятно красными. Трубный прокуренный голос, манеры грубой неотесанной бабы...

Но Зиновий считал, что и сам, как говорится, не вышел рылом. Среднего роста, худощавый. Из-за длинной тощей шеи обычных размеров голова казалось ему непомерно огромной и не очень уверенно держалась на плечах. Может, потому он и не привык ходить, гордо выпрямившись. Может, потому и носил длинные патлы, чтобы скрыть дефект своей

шеи...

В армии он пытался качать мышцы рук и наращивать объем шеи. Но то ли дохляк он по жизни, то ли не слишком утруждал себя, но воз и ныне там. Может, и окреп он чуть-чуть за два года службы, но внешне это никак не проявлялось. Каким был неказистым, таким и остался. Шею не накачал, зато шевелюру стал отращивать за три-четыре месяца до дембеля. Из-за того конфликт с начальством случился – должен был в ноябре домой вернуться, а отпустили только в декабре, во второй половине. Зато последние месяцы не стригся. Волосы уже длинные, плеч касаются...

– Не надоело без дела маяться? – снимая блузку, спросила Люда.

Зиновий старался на нее не смотреть. Вспомнился вдруг анекдот. Жена вернулась из-за границы, рассказывает мужу, что такое стриптиз. Отвратительное, говорит, зрелище. Сначала рассказ, а потом показ. Разделась жена под музыку, посмотрел на нее муж и согласился. Да, зрелище действительно отвратительное. То же самое и Зиновий мог бы сказать сейчас в отношении своей жены...

Но не так все плохо. В постели его Люда еще та штучка – все знает, все умеет и всегда хочет. И ему хорошо с ней – если при выключенном свете. Особенно хорошо, когда она после душа в постель ложится. А то вспотеет за день, запах нехороший появляется...

Зиновий загрустил. Но тут же сам себя взбодрил. Вспом-

нил эков за окном. У них сейчас вообще женщин нет. О домашнем уюте и говорить нечего. Трясутся сейчас в тесном душном вагоне. А у него все в порядке. У Люды квартира – не самая большая, не в самом лучшем районе, зато своя. Что хочешь здесь, то и делай. И работать не надо. Жена и деньги в дом приносит, и еду. С утра завтрак приготовит, вечером ужин. Ну, может и матом трехэтажным послать, но так это же несмертельно...

– Ну, не знаю, – пожал плечами Зиновий.

На безделье он не жаловался. Потому как совсем не бездельничал. Сейчас он работал над новой приставкой к радиовещательному приемнику, над антенной надо только поколдовать – усилить мощность, не увеличивая размеров...

– За тунеядство, знаешь, сколько дают? – спросила Люда. – А у меня уже спрашивают, чем муж занимается.

– Пусть спрашивают.

– Как уж бы! Ты бы знал, сколько желающих меня подвинуть...

Она работала администратором в лучшей гостинице города. В лучшей – значит, в самой престижной. Значит, проблемы с размещением. А должность, которую занимала Люда, позволяла ей их решать. Не безвозмездно, разумеется. И принципа «ты мне, я тебе» она не чуралась, поэтому была не обделена дефицитными товарами.

– Но ты-то здесь при чем?

– Зино-овий! Не тупи! Тебя посадят, а меня подвинут.

Переведут на этаж, буду там чай разным склеротикам подавать... Ты в тюрьму хочешь?

– Нет.

– Тогда послезавтра – на работу. У нас в «Загорье» работать будешь. Электриком. На полставки.

– Ну, если на полставки...

– Эх, ты, горе мое луковое!

Люда не славилась смирным нравом и покладистым характером. Но Зиновия она любила. И баловала. А он этим пользовался...

2

Утро бывает прекрасным. Утро бывает ужасным. Прекрасно – когда все хорошо. А если плохо...

Сегодняшнее утро Наташа по праву могла назвать ужасным. Вчера легла поздно, слегка под хмельком, спать бы еще и спать, а тут какие-то морды. Да еще при погонах.

– Здравия желаю! – оскалился рыжий увалень в милицеевской форме. – Старший лейтенант Обухов, ваш участковый.

Один только его вид нагонял тоску. «Какого черта приперся этот рыжий клоун?» Наташа терялась в догадках. Но внешне она ничем не выдавала своего беспокойства.

– Ну и чего вы хотели, товарищ старший лейтенант? – не снимая цепочки с двери, спросила она.

Было бы интересней и даже приятней послать мента куда

подальше. Но лучше не дерзить...

– Да вот, познакомиться хочу, – расплылся в улыбке участковый.

Улыбка у него совсем не обаятельная. И взгляд чересчур внимательный.

– Наташа меня зовут...

Напрасно валяла она дурака. Номер не прошел.

– Да мне бы в паспорт заглянуть. И дом осмотреть...

– Свой документ покажь! – потребовала она.

Слышала она про одних гопников – в ментовской форме на дело ходили. «Обыщут» дом, золото и барахлишко в баул – только их и видели! А золотишко и деньги у Наташи водились, не без этого.

Участковый раскрыл красные корочки. Вроде все в порядке. Хотя кто его знает...

Наташа чувствовала, что пожалеет, впустив милиционера в дом. Но все равно впустила. Потому что выхода не было. Это же все-таки участковый, ему и без ордера «в гости» ходить можно. Впустила и пожалела. Поскольку вслед за участковым в квартире появился опер в штатском. Даже спрашивать нечего. И так понятно, какие полномочия у этого красавчика. А ведь мужик в самом деле был ничего из себя. Высокий, ладный, симпатичное лицо штучной работы. Но взгляд... Не смотрел на нее опер, а душу наизнанку выворачивал...

– Капитан Шипилов, уголовный розыск...

Лет двадцать пять парню, может, чуть больше. Молод он для капитана, подумала Наташа. Участковый, даже тот старше выглядит, а всего лишь старший лейтенант... Может, заслуг у этого Шипилова выше крыши. Может, и она сама станет его заслугой – в деле раскрытия преступления. А она грешна, и ей это известно...

– И ты познакомиться со мной хочешь, красавчик? – спросила она и облобызала его игривым взглядом.

– Для начала перейдем на «вы», – нахмурился Шипилов.

– Да, товарищ капитан, конечно...

Она села в кресло так, что полы домашнего халатика сползли с бедер. Усмехнулась язвительно и жеманно:

– Ничего, что под халатом ничего нет?

Шипилов отвел в сторону взгляд.

– Может, мне совсем раздеться? – продолжала провоцировать его Наташа.

– Гражданка, прекратите!

– Это вы прекратите! Вторглись ко мне в дом!

– Вторглись, – кивнул капитан. – В порядке оперативной необходимости.

– А ордер?

– Ордера теперь нет. По-другому называется. А вы правда хотите, чтобы я занялся постановлением на ваш арест? – пристально взглянул на нее Шипилов.

– В чем же проблема, начальник?

– Проблема. Большая проблема... Давно в этой квартире

живете?

– А тебе-то... Вам-то что? Со мной дальше жить хотите?

– Хватит, гражданка!

– Ох-ох! Какие мы грозные! Сколько надо, столько и живу!

Квартиру она снимала. Двухкомнатный вариант со всеми удобствами, телефоном и обстановкой. Центр большого города. За все про все семьдесят пять «рэ» в месяц. Но какое оперу до этого дело?

– Что еще вас интересует? Двадцать два года от роду. Не спортсменка, но комсомолка...

Смешно подумать, но ведь валяется где-то ее комсомольский билет.

– Ваш паспорт? – пристально посмотрел на нее капитан.

– Его поймали, арестовали, велели паспорт показать. Я, может, и цыпа, но совсем не жареная...

Наташа словно невзначай провела пальчиками по вертикальной плоскости полуобнаженного бедра. Капитан невольно скользнул по нему взглядом. Чего хотела, того и добились...

– Хватит юродствовать, гражданка! – запротестовал он. – Или покажите паспорт, или поедем в отделение!

– Лучше паспорт...

Она достала из сумочки свой документ, вручила его капитану.

– Так, Слюсарева Наталья Павловна... Шестидесятого го-

да рождения... Место жительства – Знаменский район, село Красные Дали...

– Ага, такие дали, что вас туда и не посылали, – хмыкнула Наташа.

Деревню свою она терпеть не могла. Что хорошего там она видела? Вечно пьяного гармониста Кузю, с которым потеряла невинность? Так рожа у него такая, что вздрогнешь, если вспомнишь. Капитан Шипилов по сравнению с ним – Аллен Делон. Да и сколько лет прошло с тех пор, как удрала она из дома? То ли семь, то ли восемь. Быльем уже все успело порости. В городе закончила училище, получила профессию швеи, целых два года как дура горбатилась на фабрике и жила в общежитии. Там и залетела – от молодого начальника цеха понесла.

Андрей обещал жениться, поэтому аборт она делать не стала. И родила. Но кавалер женился на другой. Пришлось возвращаться в деревню. Но только для того, чтобы сплавить дочку родителям. На обратном пути случайно познакомилась с Виконтом, и понеслось. Надо же было деньги зарабатывать – и на себя, и на родителей, которые нянчились с ее ребенком. Так и зарабатывает до сих пор – без стыда и совести...

– А квартиру, значит, снимаете? – сделал вывод Шипилов.

– Далась вам эта квартира! – фыркнула Наташа. – Поселиться хотите? Так и скажите!

– Про себя не знаю, но сдастся мне, что вам самой при-

дется переселиться...

– Это еще куда?

– Да есть места... Заявление на вас поступило, гражданка Слюсарева. Людей сбиваете с истинного пути.

– Это что, статья такая есть?

– Есть. Соучастие в преступлении и вовлечение в преступную деятельность.

– Еще раз, и по слогам, а то с моими тремя классами церковно-приходской...

– Не придуривайтесь, Слюсарева! Это вам не идет!

– А что мне идет? Золото, бриллианты? Так у меня, увы, ничего нет.

Драгоценности хранятся в укромном месте, однако если подойти к делу серьезно, то найти их не так уж и сложно. Но ведь постановления на обыск у ментов нет, так что можно не переживать за краденые перстень и браслет, которые подарил ей Орлик. Он, конечно, не говорил, что цацки ворованные, но Наташа слишком хорошо его знала. Трудно не догадаться.

– А гражданин Селиванов утверждает, что третьего дня на вас были золотые сережки с бриллиантами.

– Дурак он, этот ваш Селиванов! Фианит – это не бриллианты! Если бы!..

– Значит, все-таки был Селиванов!

– А кто это такой? – с наивным изумлением посмотрела на опера Наташа.

– Селиванов Всеволод Игоревич, заместитель директора пищекомбината.

– А-а, Сева! Ну так бы сразу и сказали! Он что, вам на меня заявил? – с чувством оскорбленной невинности воскликнула она. – Что я ему такого сделала!

– Гражданин Селиванов утверждает, что вы втянули его в преступную аферу.

– С ним все в порядке? Он головой вниз не падал? Какая афера, о чем это вы?

– Карточная афера. Гражданин Селиванов утверждает, что вы познакомили его с людьми, которые обманым путем выманили у него пятьсот рублей.

– Каким обманым путем? У него точно не все в порядке с головой!

– Вы познакомили его с людьми, с которыми он сел за карточный стол.

– Ну, сел, и что? Ну сыграл... Так я же не виновата, что он проигрался в пух и прах! – возмущенно протянула Наташа. – Карта не так легла, я-то здесь при чем?

– Гражданин Селиванов утверждает, что люди, с которыми он играл, – карточные шулера...

– Шулера?! А это вообще кто такие?

– Вот только комедию ломать не надо!

– Да не слышала я о шулерах... О подпольных миллионерах слышала, а о шулерах нет, – пренебрежительно усмехнулась Наташа.

И совсем не так страшен был черт, которого перед ней размалевал капитан Шпилов. Да, заморочила она голову Севе Селиванову. Втерлась к нему в доверие через постель, затем вывела на Виконта, который в паре с Луцером укатал лоха по полной программе. Как говорится, ловкость рук и никакого мошенства...

– Начнем с того, что ваш Селиванов подлый вун! Пятьсот рублей он проиграл, ха! Сказала бы я вам, сколько бабок он спустил. И вообще, я, блин, виновата? Он сказал, что в молодости в карты любил играть, а я ему на такого же любителя показала...

– На кого конкретно?

– Олег его зовут.

Виконта звали Яшей. Но Наташа и не думала вспоминать сейчас его подлинное имя. Если оно, конечно, подлинное...

– Фамилия?

– Здрасьте, подвиньтесь! Я когда с мужчинами знакомлюсь, фамилию у них не спрашиваю. А с Олегом у нас, знаете ли, был роман! Ох, как мы дружили... Рассказать, как?

– Ближе к делу.

– А какое дело? Чего вы ко мне пристали? Олег Севу обул, его и спрашивайте...

– Спросим. Вы поможете его нам найти, а мы спросим.

– А чего там искать? Улица Горького, дом восемнадцать.

Для особых случаев Яша находил и снимал под катран целую квартиру. Платил за месяц, а пользовался ею всего лишь

день, в который шла игра. Сева Селиванов был как раз «особым случаем». Денег у мужика куры не клюют. Правда, вышло не совсем то, на что все рассчитывали. Сама Наташа думала, что с клиента можно будет аж пятьдесят тысяч сорвать. Но Сева слил всего пятнадцать штук. Идиот! И зачем он только в ментовку побежал?

– Нет его там. Квартира пуста.

– А меня как нашли?

– Гражданин Селиванов подсказал.

– Выследил, что ли?

– Выследил. Вы ему сразу показались подозрительной.

– Осел он, этот ваш Селиванов! А вы, извините, откуда?

Из уголовного розыска?

– Из уголовного.

– Вот и подумайте, откуда у скромного замдиректора оказалось вдруг сто тысяч рублей?

– Ну, я не знаю, – смутился капитан.

– И я не знаю...

– Но вашим делом занимается уголовный розыск.

– Я, кстати, тоже хочу подать на него заявление. Он меня изнасиловал. Да, представьте себе, изнасиловал!

– Это неправда! – еще больше смутился Шипилов.

– Да? А у меня свидетель есть! – снова соврала Наташа.

– И где свидетель?

– Будет дело, будет и свидетель.

– А ты не простая штучка! – язвительно заметил капитан.

– Какая есть! Как я понимаю, Селиванов должен меня опознать?

– Зачем? И так все ясно...

– Ничего не ясно. Я не знаю никакого Селиванова! И о его деньгах тоже ничего не знаю. Ну так что, едем в отделение? Заодно заявление напишу.

– Да, с вами, гражданка, каши не сварить.

– А я каши не варю, капитан. Этим кухарки занимаются. Я для любви создана. Хочешь меня любить? Вижу, что хочешь!

Наташа знала себе цену. Натуральная блондинка с роскошными формами. Красотка без комплексов и ложной скромности. И Виконт знал ей цену. Сам с удовольствием спал с ней и под таких ослов, как Селиванов, подкладывал – разумеется, за процент от выигрыша. Сева пятнадцать штук проиграл, полторы из которых получила она. Полторы тысячи за какую-то неделю! Да на фабрике бы ей за такие деньги целый год пришлось бы вкалывать. А сколько таких Селивановых! Да и вообще...

– Ничего я не хочу, – упрямо мотнул головой капитан.

– А я вижу, что хочешь. Только тебе ничего не обломится. Потому что обидел ты меня. Селиванов у тебя ангел, а я потаскуха какая-то. Я не потаскуха, начальник. Я – свободная женщина!

– До поры до времени, – буркнул он.

– А я ведь и пожаловаться могу. Скажу, что покрываешь расхитителя социалистической собственности. Что, съел?

Ладно, живи, капитан! Не буду я жаловаться. И ты меня оставь в покое...

На этом разговор был исчерпан. Шипилов ушел, а Наташа позвонила Виконту.

– Яша, менты у меня были...

Этого хватило, чтобы Виконт назначил ей встречу в летнем кафе на берегу реки. Домой к ней ехать побоялся – мало ли что.

На встречу Наташа собиралась как на романтическое свидание. Накрасилась, прихорошилась. Роскошные волосы, белое «сафари», модные босоножки на высоком каблуке, грациозная походка. Одним словом, эффектная красотка. Неудивительно, что мужики оборачивались ей вслед...

И еще бы она не удивилась, если бы к ней привязался «мэн озабоченный». Бывало такое – приклеится какой-нибудь парень или дяденька и ходит хвостом. А сейчас к ней мог привязаться настоящий хвост, ментовской. И пойми, кто это? Тайный воздыхатель это или тайный агент? На всякий случай Наташа зашла в универмаг с высокими и длинными витринами, через которые можно было «засечь» не очень опытного «топтуна». Но вроде бы никого...

Виконт ждал ее на берегу. Средних лет мужчина интеллигентной внешности. Лощеный, прилизанный, одет как франт – костюм и пижонская тросточка. Профессиональный катала и жулик со стажем – за плечами три «ходки» в места не столь отдаленные.

Наташа рассказала ему о встрече с ментами во всех подробностях – как подлинных, так и вымышленных. Соврала, правда, что капитана Шипилова прямым текстом послала.

– Значит, в ментовку тебя везти отказались? – слегка улыбнулся Виконт.

В раздумье мягкими размеренными движениями извлек из кармана портсигар, аккуратно достал сигарету, прикурил от золотой зажигалки. Девушку не угостил, хотя знал, что и она не прочь побаловаться табачком. Не любил, когда она курит на людях.

– Отказались, – с чувством гордости за себя улыбнулась Наташа. – Селиванова подставлять не захотели.

– По ходу, Селиванов с этим опером вась-вась. Не писал Сева заявления. Не писал! Шипилов на пушку тебя взять хотел, чтобы мы бабки вернули... А кий всем им в лузу! Я так думаю, Шипилов на прикорме у Селиванова. Ну, может, у кого-то еще другого. Это хорошо, что ты их умыла. А если не слезут с тебя?

Наташе стало не по себе. Она знала крутой нрав Виконта. Он и бритвой по горлу чиркнуть готов, чтобы следы замести. А она была той самой ниточкой, по которой Шипилов мог выйти на него. Той ниточкой, которую легко перерезать той самой бритвой...

– Что же делать? – сглатывая слюну, напряженно спросила она.

– Да хату неплохо бы сменить.

– Сегодня же займусь!

– И это.. Насчет работы не спрашивали?

– Нет...

– Как бы за тунеядство не привлекли...

– А могут, – всполошилась Наташа.

– Я с Черняком перетру. У него в «Загорье» блат конкретный, может, пристроит там тебя куда-нибудь...

– Куда?

– А хотя бы уборщицей в гостиницу!

– Шутишь!

– Не надорвешься. Недельку поработаешь и уволишься. А там и муть вся эта уляжется.

– Может, лучше денька на два-три? – с надеждой спросила Наташа.

Виконт мог бы согласиться с ней. Что неделька, что два дня – лишь бы запись в трудовой книжке сделали. Но Виконт не привык соглашаться.

– Я сказал, неделя! – отрезал он.

Наташа кивнула. Спорить было бесполезно.

Глава 2

1

«Загорье» представляло собой целый комплекс – высотный корпус в современном стиле, несколько ресторанов, кафе, бары. Словом, целая махина, пронизанная системой электропроводов и напичканная электробытовыми приборами. Для Зиновия это значило, что без работы он не останется. И точно, не успел он познакомиться со своим напарником – начальником, как поступил вызов. Правда, ничего страшного не случилось. Всего лишь предохранитель сгорел. Хотя и здесь без «загвоздок» не обошлось – нечем было предохранитель менять. Но, как известно, голь на выдумки хитра. И эта голь, в лице шустрого мужика Пахомыча, распорядилась изготовить и установить «жучок». Оказалось, что на этой «самодеятельности» стоит чуть ли не половина номеров в гостинице. Рано или поздно все могло выйти боком...

Это случилось рано, на третий день с момента первого выхода на работу. В номере семьсот двадцать четыре отсутствовал свет. Надо было принимать меры.

Номер освободился с утра, и когда появился Зиновий, там шла уборка. Грязные простыни на полу, а чистые – в руках у горничной. Если бы это просто была горничная! Нет, оше-

ломляющей красоты и обаяния девушка!

Роскошные светлые волосы не шли ни в какое сравнение с той обесцвеченной и пережженной бякой, которую носила на голове Люда. Да и во всем остальном никакого сравнения! Обворожительные, прекрасные глаза и лицо, фигура древнегреческой богини. И темно-синий технический халат ничуть ее не портил. Даже в нем она казалось королевой...

Девушка не могла не заметить ошеломленный вид, с которым он на нее пялился.

– Ну чего уставился? – достаточно резко спросила она.

Голос у нее густой, слегка хриплый.

– А-а... Надо... – растерянно пробормотал он.

От волнения он едва не забыл, зачем пришел.

– Ты кто такой?

– А-а... Я это... Работаю здесь... Вызов у меня... Электрик я... Э-э, лампочка перегорела...

– У кого? У меня?

– Нет. Где-то здесь...

– А я думала, ты в меня лампочку вкрутить хочешь...

Электрик, значит, ну, ну...

Она окатила Зиновия насмешливым взглядом и снова занялась бельем. А он на негнущихся от волнения ногах подошел к выключателям. Щелкнул одним, другим – ничего. Вышел в коридор, открыл распределительный щит. Вместо предохранителя – оплавленный «жучок». Пришлось ставить новый, такую же самоделку. Зиновий торопился: хотелось

застать девушку в номере, хотя бы одним глазком взглянуть на нее. Он понимал, что статью для нее не вышел. Но ведь необязательно быть красавцем, чтобы просто смотреть...

Девушка оказалась на месте. Зиновий увидел ее возле другой кровати. То же грязное белье. Она его меняла с каким-то внутренним отторжением, если не сказать отвращением. На прелестном личике – кислая недовольная гримаса. И все равно, она самая красивая...

– Помочь? – неожиданно предложил он.

– Чего? – с еще большим недовольством спросила она.

– Ну, я подумал...

– Ты свет чинишь, ну и чини...

– Так и без него светло, – попытался пошутить Зиновий.

– Ну, светло. Пока день, светло.

– Светло, покуда вы здесь! – вне себя от волнения выпалил он.

– Тьфу на тебя! – хмыкнула она и повернулась к нему спиной.

Ну хотя бы капелька интереса во взгляде проявилась! Но нет ничего! Не нужен ей какой-то там электрик...

Он печально вздохнул и подошел к выключателям. В комнате свет есть, в прихожей тоже. А санузел так и остался темным. Значит, лампочка перегорела. От этого и предохранитель «вынесло»...

Зиновий заменил лампочку, но свет так и не зажегся.

– Плохо, очень плохо, – посетовал он.

– Что ты там сказал? – откликнулась девушка.

– Плохо, говорю. В комнатах свет есть, а в туалете нет...

– Ну и что?

– Предохранители самодельные, на перепад напряжения не реагируют. Где-то в стене провод сгорел.

– Ну и что?

– Да стену долбить придется...

– Уши ты мне уже выдолбил, – хмыкнула горничная.

Она уже закончила с кроватями. Но в комнате надо еще пропылесосить и пыль стереть. Да и в туалете обычно убираются.

– Ты мне скажи, пылесос работать будет?

– Будет! – в наивной улыбке растянул рот Зиновий.

– А чему ты радуешься? – огорошила его красавица. –

Мне ж теперь напрягаться придется.

– А хотите, я вам помогу! Пропылесосить, пыль протереть...

– Ты что, тимуровец?

– Нет.

– Да и я вроде бы не бабушка. Или выгляжу старо?

– Нет, как раз наоборот! Очень хорошо выглядите...

– Зато соображаю туго, – усмехнулась она. – Что ты про стены говорил? Долбить их надо, да?

– Ну да.

– А это грязь, пыль?

– Грязь, пыль...

– Ну и зачем я должна здесь убираться? Ты сейчас долбить будешь?

Только она это спросила, как в номер зашла Люда. А слух у нее, как назло, такой же острый, как и язык.

– Это кто там кого долбить собирается? – трубным гласом всколыхнула она воздух.

Увидела горничную, и без того красное лицо Люды пошло пунцовыми пятнами.

– Ах, вот оно что! – взвыла она.

– Эй, ты чего? – возмутилась девушка.

– Курва ты белобрысая, вот чего! Чем ты тут, шалава, с моим мужем занимаешься?

– С твоим мужем?! Ой, не могу! Я думала, это твой сын! – оскорбительно засмеялась красавица.

– А мне все равно, что ты думала, шаболда ты пучеглазая! Еще раз увижу с Зиной!

– С кем?

– С мужем моим!

– Так он еще и Зина? Сумасшедший дом!

– Заткнись, потаскуха!

– От потаскухи слышу!

– Что ты сказала?

– Что слышала!

Без всякого страха перед грозным видом разгневанной жены девушка смело шагнула ей навстречу так, что заставила посторониться. Насмешливо глянула на Зиновия.

– Пока, Зиночка! Будь умницей, маму не обижай!

– Ты... Ты больше здесь не работаешь! – крикнула ей вслед Люда.

– Да катись ты, морда!..

Красавица ушла, хлопнув дверью. Хотел бы сейчас Зиновий оказаться рядом с ней. И даже не потому, что был не прочь остаться с ней навсегда. Он боялся гнева разъяренной жены, который грозил выплеснуться на горничную девятибалльной волной.

– И что ты мне скажешь, сволочь ты патлатая?! С девками шашни крутишь, да? Не стыдно?

– Во-первых, я тебе не сволочь... – начал было, но затих Зиновий.

Смысла не было оправдываться. Все равно Люда будет думать по-своему.

– А во-вторых? – рявкнула она.

– Э-э, не было ничего... Здесь в туалете свет не горит, а она убирала...

– Значит, вместе свет чинили?

– Нет! Да хватит тебе! – чуть ли не взмолился он. – Не нравлюсь я ей! Неужели непонятно?

– А ты что, спрашивал у нее, нравишься ты ей или нет? Спрашивал, кобель паршивый?

– Нет! По глазам видно, что не нравлюсь.

– А в глаза ей зачем смотрел? Что, влюбился?

– Нет! Мы с ней просто разговаривали...

– Сначала просто разговаривают, а потом дети... Ладно, с ней я еще разберусь. А ты учти, еще раз застукаю тебя с кем-то, мало не покажется!

Вечером Люда каялась в своей несдержанности, а ночью – через постель – просила у Зиновия прощения. Он ее прощал, но думал о прекрасной горничной. Думал, потому что не мог о ней не думать...

2

Рома Черняк считался самым молодым в городе и фартовым вором в законе. Не так давно тридцать лет исполнилось, а уже величина. Две ходки за плечами, авторитет. Наташа много слышала о нем, но никогда его не видела. И уже тем более не знала, чем он в этой жизни занимался. Вроде бы с цеховиков дань для «общака» снимал, но что конкретно – темный лес. Зато она точно знала, что в «Загорье» он свой в доску человек. Свой номер в гостинице, свое место в самом лучшем ресторане! Сначала лично разрулил проблему с дурой администраторшей, а затем пригласил Наташу на ужин. Отдельный кабинет с видом на общий зал, приглушенный свет, превосходный стол, разговор «тет-а-тет»...

– Людка просто не знала, кто ты такая, – сказал Черняк.

Тридцать лет ему без хвостика. И выглядит молодо – как раз на свои года. Но взгляд у него такой, как будто сто лет жил и мудрости набирался. Среднего роста, худощавый.

Примерно такого же сложения, как и Зиновий, из-за которого разгорелся вчерашний сыр-бор. И на лицо такой же некрасивый. Но Зиновий – «чушок» стремный, а Черняк – самая настоящая громада по сравнению с ним. В нем чувствовался нестигаемый внутренний стержень. И сила духа на высоте, недоступная для простого смертного. Не зря же он стал законным вором. А Зиновий как был придурком, так придурком и останется. И надо же было из-за этого недоделанного с администраторшей схлестнуться! Было бы смешно, если бы не было так обидно...

Черняк – сила, не вопрос. Но не появилось у Наташи желания познакомиться с ним поближе. При всех достоинствах было в нем что-то неприятное. Черняк помог Наташе устроиться на работу. Просто замолвил пару слов, и ее взяли горничной. Хотя, возможно, взяли бы и без этого: гостиница большая – вакансий много. Но как бы то ни было, вор подсуетился. Видимо, для него это суший пустяк. Он даже не взглянул на свою протее. Так бы и не увидела его Наташа – отработала свою неделю, и баста! А нет, с администраторшей поцапалась! Пожаловалась Виконту, а тот Черняку. И пришлось вору все разруливать. Пустяк это для него или нет, но из-за этой проблемы Наташа оказалась на глаза своему заочному покровителю. И как итог – ужин в ресторане. Поскольку Черняк запал на нее. А ей совсем не улыбалось крутить с ним роман. Но и динамит нежелательно: боком может выйти...

– А кто я такая? – открыто посмотрела на собеседника Наташа.

– Смелая ты девка, Натаха, – скупой улыбнулся вор. – Смотрю на тебя и вижу, что смелая. И Виконт о тебе хорошо отзывается. Яшу я давно знаю. Как умного человека знаю. Не думал я, что он такой глупый...

– Это еще почему? – удивленно повела бровью Наташа.

– А потому что красивая ты. А я красивых люблю. Вот возьму, и украду тебя у Виконта...

– Ты же не крыса, чтобы у своих красть.

– Не крыса. Но ведь и ты же не игрушка...

– Не игрушка.

– А сама можешь ко мне уйти?

– И какой в том резон?

– Верно, везде должен быть свой резон. Чем я хуже твоего Виконта?

– Как я тебе могу это сказать, если я тебя почти не знаю, – усмехнулась Наташа. – А если знаю, то со слов... Слова хорошие, но то слова...

– Поверь, не пожалеешь.

– Это что? Предложение?

– Смотрю на тебя и думаю, что да... Но я вор и жениться не могу...

– А я что, замуж прошусь? Я кошка, которая гуляет сама по себе, – усмехнулась Наташа. – Хочу с Виконтом, хочу с тобой...

– Давай со мной, – пронзительно посмотрел на нее вор.

От его гипнотического жуткого взгляда ей стало не по себе. Но язык не затупился:

– Что? Прямо сейчас давать?

– Ну зачем прямо сейчас? Посидим. Икра, ананасы в шампанском...

– Красота!

– Сама в шампанском купаться будешь. Если со мной...

– О-о!

– Да, Натаха, я такой! Ради тебя – звезду с неба!

– А какие они там, звезды на небе?

– А-а, хороший вопрос! – торжествующе улыбнулся Черняк, отчего обнажились его коричневые от чая и табака зубы.

А затем обнажился и спрятанный в его кармане перстень с рубином. Если он хотел внушить Наташе, что это и есть звезда с неба, то ему это удалось. Золото и камушки были ее слабостью, и она легко на них покупалась.

– Ух ты!

– Примерь!

Наташа не заставила себя долго ждать и украсила свой пальчик дорогим перстнем.

– Дарю!

– Я вся твоя! – вырвалось у нее.

В конце концов, она уже давно не девочка. И не потеряет ничего в постели с Черняком. А Виконт в обиде не будет. Подкладывал же он ее под мужиков в свое время. А тут са-

ма ляжет. Спала же с Орликом, который браслет ей золотой за такое дело подарил. Ворованный, правда, был браслет. И перстень тоже ворованный. Пусть Черняк и не пробует ее в этом разубедить. Да он, впрочем, и не пытался...

Для приличия они еще полчаса посидели в ресторане. Потом прошли в парадный вестибюль гостиницы, поднялись на четвертый этаж, где Черняк занимал целый люкс. И никто не попытался его остановить. Правда, «этажная» покосилась на Наташу. Но с нее как с гуся вода: уже давно все равно, что думают о ней люди. Какая есть, такая и есть! И только сама может себя судить. А себя она сейчас и не думала осуждать. Еще чего! Что хочет, то и делает...

По большому счету, она не очень и хотела *это* сделать. Но и отказать знатному кавалеру не могла. Зря... Черняк лишь поначалу держался в рамках, а потом его развезло. Такие вещи стал вытворять, что Наташа лишь облегченно вздохнула, когда все закончилось. А потом долго не могла заснуть от той боли, которую оставил в ней его маленький, но бессознательный «плуг»...

А утром она получила оплеуху. Пока что словесную.

– Сегодня у меня дела, а завтра, как закончишь работу, придешь ко мне, сюда, – повелительным тоном сказал он.

И так посмотрел на Наташу, что она почувствовала себя кошкой, угодившей в волчий капкан...

– Так я завтра уже работать не буду... – попыталась она возразить. – Сегодня последний день. Я же для записи в тру-

довой работаю...

Но попытка оказалась безуспешной.

– Будешь работать дальше. Потому что я этого хочу.

– Да, но...

– Никаких «но»! Я сказал!

Черняк получил свое. И теперь Наташа была для не него не более чем дешевая лахудра, о которую можно вытирать ноги. Вчера Черняк был кавалером, и она могла позволять себе вольности в разговоре с ним. А сегодня он – крутой пахан, который видит в ней бесправную «шестерку». И лучше не думать о том, что будет, если она откажется ему подчиняться. Надо же было так вляпаться!

– Хорошо, я поработаю еще несколько дней...

Наташа была напугана, но не торопилась задирать лапки кверху. Если нет возможности вырваться из силков, то надо хотя бы сделать так, чтобы не задохнуться в них.

– А пока ты подыщешь мне другую работу.

– Я подумаю. Тебе уже пора...

Черняк бесцеремонно выставил ее за дверь. Но Наташа не очень расстроилась. Ведь перстенок-то остался с ней. А это значило, что он и дальше будет делать ей подарки. А может, и не будет... И надо было ей сцепиться с проклятой администраторшей? И надо было попасться на глаза вору, который повел себя с ней как бык-покровитель – покрыл ее как ту глупую корову. Он вел себя с ней так, как будто она – быдло. А еще в шампанском обещал купать. Козел!

А ведь она может отомстить... Да, отомстит! Но не Черняку, нет, а той самой дуре, из-за которой и разгорелся весь сыр-бор. Может, на душе полегчает...

3

Семьсот тридцать шестой номер. Не работает розетка. Хорошо, если контакт перегорел. И плохо, если провод в стене замкнуло. Снова придется долбить. Долбить...

Зиновий невольно улыбнулся, вспомнив, как ругалась Люда, когда услышала это слово в устах прекрасной горничной. С Людой он уже помирился. Еще бы с Наташей помириться. Наташей ее зовут. Горничная Наташа, он узнавал. А может, и нет смысла мириться. Может, она уже и думать забыла об его существовании. Но ведь номер семьсот тридцать шестой. Это этаж, на котором работает Наташа. Может, он снова увидится с ней? Хотя бы одним глазком на нее глянуть...

Номер пустовал. Видно, что уборка здесь уже произведена. Свежие накрахмаленные наволочки на подушках, начисто вытертый стол, графин с водой, рядом – вымытые стаканы. Это хороший номер. Люкс. Здесь и телевизор есть, и холодильник. Только вот электричества в розетке нет. Да и не может быть – розетка наполовину из гнезда выдернута. Наверное, постояльцы в пьяном угаре постарались.

Зиновий обесточил номер и принялся устранять неис-

правность. Контакт из паза вышел. Сущий пустяк. И розетка в гнездо легко вставляется. Можно подавать электричество.

Он уже собирался выходить из номера, когда появилась Наташа. Как будто солнце из-за туч унылой жизни вышло. Зиновий невольно поймал себя на мысли, что надо бы зажмуриться, дабы не ослепнуть от этой красоты...

– Привет! – небрежно, но первой поздоровалась она. – Не починил?

– А-а, да... – потрясенно протянул он.

– Что да? Да, починил? Или да, не починил?

– Починил.

– Молодец.

Зиновий думал, что Наташа уйдет. Но нет, она, наоборот, закрыла за собой дверь. Ему даже показалось, что щелкнула блокировка на замке. Если так, то никто не сможет их потревожить. Но какой смысл им закрываться? Ведь ему же ничего не светит. А вдруг?..

Зиновий столбом стоял в проходе, не соображая, что мешает ей пройти из прихожей в комнату. Зато она соображала. И, видимо, ей нужно было попасть в комнату. Поэтому она мягко положила свои ладошки ему на грудь и так же мягко оттолкнула от себя. Хотел бы он, чтобы она вытолкала его таким образом к самому краю света. Хотел бы он там с ней остаться. Чтобы никого там, кроме них, не было. Ни постылой Люды, ни успешных мужчин, которым она могла бы ответить взаимностью. Только он и только она...

– О чем ты думаешь, мастер-ломастер? – усмехнулась она.

– Я не ломастер...

– Ах да, извини, ты же у нас долбильщик. Ты починил тогда свет?

– Да.

– Много было мусора?

– Да. Но я за собой все убрал.

– Я же говорю, молодец. Сколько тебе лет, Зина?

– Я не Зина. Я – Зиновий.

– Сколько лет, спрашиваю?

Наташа с насмешкой смотрела на него. Насмехалась над ним. Но вместе с тем в ее глазах проглядывал интерес к его скромной персоне. Этот интерес можно было рассматривать в равной степени и как надежду на взаимность с ее стороны, и как прелюдию к какому-то подвоху. В прошлом Зиновию часто приходилось становиться жертвой разных подвохов. И в школе были ребята, которым нравилось издеваться над ним, и в армии. Теперь вот Наташа. Пусть делает, что хочет. Лишь бы только не уходила...

– Двадцать один. А что?

– Очко, значит.

– Что?

– Счастливая цифра, говорю. А счастье есть?

– А-а, не знаю...

– Жене сколько лет?

– Тридцать.

– А выглядит на все сто. Как же тебя угораздило?

– Да так...

– Что, другие бабы не дают? Только такие коровы, как она?

– Зачем ты так говоришь?

– Потому что твоя жена – корова, потому так и говорю...

– Не надо так.

– Она корова, а ты телок. Знаешь, почему тебе нормальные бабы не дают? Потому что ты телок.

– Прекрати! – возмутился Зиновий.

Но Наташа и не думала останавливаться. Ее несло.

– Телок ты! Телок безрогий! Или рогатый?! А наставляет жена рога! Наставляет!

– Ну, хватит!

– Был бы мужиком, врезал бы мне за такие слова. Но ты же не мужик. Ты баба. Баба Зина. Зина, ау! Как дела, Зина?

Зиновию вдруг показалось, что она только того и ждет, чтобы он вlepил ей пощечину. Но выше его сил было поднять на нее руку. Да и не хотелось ее бить. Пусть говорит, пусть изгаляется. Лишь бы только не уходила. И сам он не уйдет... Может, он и в самом деле ведет себя как баба, но ведь ничего не изменишь. Можно изобразить из себя крутого норовистого мужика, только что это даст? Ведь мягкость характера все равно останется...

– А хочешь, я мужика из тебя сделаю, а? – приподнявшись на носочках, заглянула ему в глаза Наташа.

По-лисьи проникновенный взгляд, на губах – лукавая улыбка. Что-то она задумала...

Зиновий ничего не сказал. Только пожал плечами.

– Значит, хочешь.

Он вдруг заметил, что ее пальчики расстегивают пуговицы на его рубашке.

– Зачем? – не в силах поверить в происходящее, выдавил он.

– А вдруг в тебе что-то есть мужское. Ну чего стоишь, как истукан? Ой, а это у нас что такое?

Он знал, что *это* такое. Чувствовал, как *это* налилось изнурительно-приятной силой...

– Да это не «ой»! Это «о-го-го»!!! Ну и штука у тебя, парень!

В ее восклицании звучал неподдельный восторг. Но ведь и Люда восторгалась этим по-настоящему. И Люде очень нравилось...

– Если сможешь, то ты точно мужик!

Зиновий решил, что сможет. Не отпускает его напряжение, и Наташа так доступна. Она доступна! Поверить в это невозможно, но это так! Вот она расстегивает свой халат. Сама расстегивает! Вот она ложится на кровать. Сама ложится! Нет, она не шлюха. Она хочет быть с ним, потому что любит. И Люда его любит. И Наташа. Но Люда – это несерьезно. Хоть она и жена, но несерьезно. А Наташа – это навсегда...

Зиновий подал все свои «двести двадцать». От удоволь-

ствия Наташа взвыла сиреной и вонзила ему в спину все свои ногти. А он не останавливался. И гнал, гнал. До конечной станции оставалось совсем чуть-чуть, когда в комнату ворвалась Люда.

– Я так и знала! – заорала она.

Зиновий вскочил на ноги, но в сторону не отошел. Своим телом закрыл лежащую на кровати Наташу. А она, казалось, и не думала подниматься.

– Ах ты, кобель поганый! – надрывалась Люда. – Ах ты, сучка блудливая!

– Да пошла ты, марамойка паскудная! – выдала ей в отместку Наташа.

– Подстилка воровская! – не осталась в долгу Люда.

– Ты базар фильтруй, шалава! Жить надоело, да? Ты так и скажи! Пером по горлу, и одной мразюкой меньше!

Наташа настолько была страшна в своем гневе, что даже взбесившуюся Люду проняло. Она жадно хватала ртом воздух, не в силах что-либо сказать. В глазах застыл панический ужас.

– Ненавижу, тварь! – злобно прошипела Наташа и покинула номер с чувством превосходства и гордости за себя.

Увы, но Зиновий не обладал даром внушать страх своим врагам. А Люде больше не на ком было сорвать свою злость. Да и виноват он перед ней – что уж тут говорить... Но кричать Люда на него не стала. Зато с такой силой вlepила ему пощечину, что Зиновий едва удержался на ногах.

– Больше ты здесь не работаешь! И чтобы я тебя больше никогда не видела!

– Как скажешь, – кивнул он.

И, вжав голову в плечи, вышел из номера. Он совсем не жалел о том, что произошло. Он был с Наташей. Он! С Наташей!!! А то, что жена застучала, так это всего лишь досадное недоразумение. Да и сама по себе Люда воспринималась им как досадное недоразумение. А ведь права была Наташа. Не давали ему другие бабы, кроме Люды. Может быть, потому и женился на ней. Но теперь в его жизни появилась Наташа, самая красивая женщина на свете. Она любит его, а он от нее без ума. Только он и только она, а Люда – третья лишняя. И ей придется смириться с этой мыслью.

Глава 3

1

Черняк был в своем репертуаре. Коротко поздоровался, с улыбкой хлопнул по заднице, без всяких предисловий поставил в позу и быстрехонько сделал дело. Как говорится, сунул-плюнул. Спасибо, что запретной и болезненной темы не коснулся. А ведь мог сделать запись и задним числом, по старой эковской привычке. Они ж там на зоне сильны задним умом...

– И это все? – хмыкнула Наташа.

– А тебе мало? – криво усмехнулся он.

– Да нет. Но я ж тебе не сливная лоханка!

– Кто знает, кто знает.

– Эй, ты говори, да не заговаривайся!

Хоть и боялась она вора, но коготки все равно нет-нет да выпускала.

– А ты права здесь не качай! – жестко взглянул на нее Черняк. – Я тебе не какой-то там электрик штопаный!

– Электрик?! При чем здесь электрик?

– А с кем тебя Людка застукала?

– Людка?! Эта коза беспонтовая? Ой, не могу! Сейчас живот сорву! Ты хоть видел ее мужа? Дрозофила ходячая! А

саму Людку ты видел! Да кто на ней женится! Только чмо какое-нибудь!

– А ножом по горлу кому ты грозила!

– А это уже подстава, мой дорогой! Ты что, не понял? Людка подставить меня хочет. А она что, тебе жаловалась? У тебя что, амур с ней?

– Амур?! – брезгливо поморщился вор. – Ты так больше не шути. А мужа ее я не видел. Другие видели. Чушок, в натуре.

– А я о чем! И как ты мог подумать, что я, такая вся пушистая, и с каким-то чушком?.. А если б и было, ты что, меня ревнуешь?

– Нет. Но если что... – Черняк красноречиво провел двумя пальцами по горлу.

А он мог убить. Наташа знала, что мог.

– А как же Виконт? – дрогнувшим голосом спросила она.

– А ты думала, что с ним можно? Не можно, – одним уголком рта усмехнулся вор. – С Виконтом я договорился. Со мной теперь будешь.

– С Виконтом я дела делала. А с тобой как тот шнырь в чужом говне.

– И тебя к делу пристрою. В баре будешь работать.

– Была шнырем, стану халдеем, – возмутилась Наташа. – Круто!

– Не гони волну, родимая! – зыркнул на нее угрожающим взглядом Черняк. – А то ведь сама и захлебнешься. Короче,

официанткой будешь только числиться. Твое дело – хвостом вилять да клиентов заманивать.

– Куда заманивать? Что-то я тебя не пойму...

– А ты не суйся поперед, тогда все понятно будет. Кофейня особая, недавно открыли. Изюмина в том, что стол там будет под зеленым сукном.

– Бильярд, что ли?

– Бильярд. Шары там катать будут.

– Под интерес?

– Хотелось бы. Но тогда лавочку прикроют. Не сразу, но прикроют. Короче, твое дело за народом смотреть. Кто чего стоит, кому под интерес охота. Ну, ты меня поняла...

Наташа поняла все правильно. И через день принимала должность в кофейне с бильярдным залом на два стола. Это заведение было частью гостинично-ресторанного комплекса «Загорье», но администрация гостиницы к нему никакого отношения не имела. Здесь было свое начальство, которое боялось Черняка как огня. Бояться-то боялось, однако ментам заложить могло как нечего делать. Да и сами по себе менты могли нагадить. Так что приходилось соблюдать осторожность. Именно поэтому игра на деньги в кофейне не приветствовалась.

Черняк слегка преувеличил, когда сказал, что официанткой она будет только числиться. На самом же деле ей пришлось исполнять свои обязанности. Но, казалось, что это совсем несложно. Кофе и напитки клиенты заказывали себе у

барной стойки, там же рассчитывались и получали заказ. Наташа же собирала посуду и относила ее на мойку. Сама же иногда и мыла. В кофейне она была полной хозяйкой. Кроме нее, здесь работал только бармен Жора. Ну, еще уборщица два раза в день заглядывала.

Работа работой, а основным ее занятием было крутить задницей вокруг столов и расставлять сети на денежных клиентов, на которых у нее был особый нюх. Если посетитель сам не искал возможности сыграть на деньги, то Наташа должна была навязать ему такой интерес. А хитрить и кокетничать она умела. Тем более что с каждого разведенного лоха ей причитался процент. Лохов разводили в другой бильярдной, расположенной в подвальном этаже ресторанный комплекса.

Она стояла у бильярдного стола, присматривалась к полноватому и лысоватому мужичку, чьи туплюги из настоящей крокодиловой кожи убеждали, что денег у него, по-видимому, немало. Играл он неплохо, но в подвале работали такие мастера, с которыми он и рядом не стоял. Наташа сделала вид, что восхищена его игрой. Смотрела на него как на некое бильярдное божество, нежданно-негаданно спустившееся на бренную землю. И он с интересом посматривал на нее. Видно, что приезжий. Скучно одному в номере, подружка нужна. Но здесь Наташа ему не помощница. Она лишь ставит сети, но не бьется в них вместе с жертвой. Ну, разве что очень состоятельный мужчина объявится, такой, чтобы брильянто-

вое кольцо подарить мог бы за одну-две ночи. И ведь где-то же водятся такие...

Кто-то легонько тронул ее за плечо.

– Привет!

Это был Зиновий. Наташа сначала вздрогнула от неожиданности, а затем содрогнулась от мысли, что ей придется общаться с этим занюхой... Как же нужно было гостиничной администраторше насолить ей, чтобы из желания отомстить она решила совратить ее мужа! И розетку специально в номере сломала, и электрика вызвала. Ну еще и администраторше дала знать, что ее брак под угрозой супружеской измены...

Людка обвинила ее в том, что она согрешила с ее мужем. А Наташа не терпела напрасных обвинений. Поэтому в самом деле легла под Зиновия. Скорее сдуру решила на это, чем из холодного расчета. Но тем не менее... И надо сказать, Зиновий превзошел все ожидания. Такая штука у него, что приятные мурашки по коже, как вспомнишь... Но штука штукой, а думает он не ей, а мозгами. Замороженные у него мозги, жидкие, как у глупой бабы. И стержня внутреннего нет. Размазня, одним словом... У Черняка штучка не самая большая, но мужской сутью он пропитан до корней волос. Пусть он гад ползучий. Но с этим гадом не запахло ползти рядом и стелить ему не противно...

– И чего тебе нужно? – грубо спросила Наташа.

– Э-э, соскучился, – глупо улыбнулся Зиновий.

– А я нет.

Этого вполне хватило для того, чтобы парень сник. Все его самодовольство лопнуло как мыльный пузырь. И такая тоска в глазах. Но ей нисколько не было его жаль. Тряпки существуют для того, чтобы об них вытирать ноги. Так она думала, и никто ее в обратном не переубедит...

– Я от Люды ушел, – тяжело вздохнул он.

– Скажи еще, что из-за меня, – беспощадно съязвила Наташа.

– Нет. Но я думал...

– Я знаю, что ты думал! Любовь до гроба, да? А черта лысого!

Она воскликнула так громко, что потенциальный клиент с изумлением поднял на нее свой взгляд. А голова у него лысая...

– Извините, это я не вам! – мило улыбнулась ему Наташа.

– Кто это? – обреченно спросил Зиновий.

– Жених мой, – назло ему соврала она. – Смотри как играет!

– Как?

– Тебе и не снилось.

– Не знаю, – пожал плечами Зиновий и отошел в сторону.

«Ну наконец-то!» Наташа не сдержала вздох облегчения.

А лысый в этот момент загнал в лузу победный шар.

– Bravo!

Наташа подскочила к нему с таким видом, как будто соби-

ралась упасть в его объятия. И надо сказать, мужик купился на этот прием. Даже руки ловушкой расставил, чтобы поймать ее. Да не тут-то было. Она остановилась на безопасном расстоянии от него. Но восторга в ее глазах – хоть отбавляй.

– Где вы так научились играть?

– Да нигде, – с показным смущением улыбнулся он. – Дома бильярд, так, играю иногда.

– Представляю, какой у вас дом, если там бильярдный стол есть. Или стол маленький?

– Большой, – с намеком на толстые обстоятельства усмехнулся он. – У меня все большое.

– Как здорово!

– Как насчет того, чтобы вечером встретиться? – залихватски спросил он. – Посидим где-нибудь, я вам про свой бильярд расскажу.

– Ну, если он у вас большой, почему нет. Только сегодня не могу. И завтра, наверное, тоже. Послезавтра...

– Послезавтра я уезжаю.

– Жаль.

– А почему не можете?

– Вечером я в другом баре работаю. С девяти до часу ночи.

– А потом свободна?

– Ну, в общем-то, да.

– А где этот бар?

– Ну, вам там будет неинтересно, – для виду замялась Наташа.

– Почему?

– Ну, там тоже в бильярд играют, но на деньги, – тихо, заговорщицким тоном сказала она.

– На деньги?! Так это же прекрасно! Будет чем расплатиться...

– Я не проститутка, – Наташа обиженно надула щеки.

– Ну что ты! Я не о том.

– А мне показалось, что о том. Извините, мне уже пора...

Наташа знала, что лысый постарается ее остановить. Так оно и случилось.

– Это вы меня извините!

– Ну вот, то на «ты», то на «вы», – заметила она.

– А это чтобы загладить свою вину. И где этот бар находится?

Прежде чем ответить на вопрос, Наташа должна была немного поломаться. Мол, бар как бы полулегальный, то да се... Но она даже рта не успела открыть. Подошедший Зиновий толкнул лысого в плечо. Глаза горят, рот перекошен, только пены на губах не хватало для полноты картины...

– Эй, парень, ты чего? – растерянно бормотал мужик.

– Сыграем? – показывая на освободившийся стол, грубо спросил Зиновий.

Наташа с удивлением смотрела на него. Не думала она, что Зиновий может быть таким задиристым.

– Да не хочу я играть!

– Что, страшно?

– Кому страшно? Мне?! С тобой! Тебе самому не страшно? Я ведь на деньги играю!

– Идет! – принял вызов Зиновий.

– Червонец потянешь?

– Запросто!

– Эй-эй, петушки! – встряла в разговор Наташа. – У нас приличное заведение. Здесь на деньги не играют!

– А на что играют? – спросил лысый.

– На мои услуги. Кто выиграет, того я угощу чашечкой кофе за счет заведения.

– И воздушный поцелуй!

– Хорошо, пусть будет поцелуй, но только воздушный, – жеманно улыбнулась Наташа.

И посмотрела на Зиновия. В отличие от своего соперника он не трепался. Сосредоточенно глядя на сложенные в пирамиду шары, натирал мелом кий. Такое ощущение, будто он взглядом пытался расфасовать их по лузам.

– Разбивай, – небрежно бросил ему лысый.

– Почему я?

– Ты предложил игру, ты и разбивай.

– Как скажешь.

Зиновий долго прицеливался. И ударил так неожиданно и с такой силой, что Наташа невольно вздрогнула. Очень красиво ударил, очень четко. Сразу два крайних шара устремились в лузу. Устремились, но не дошли. Чуть-чуть не хватило...

– Чуть-чуть не считается, – ухмыльнулся лысый.

И с одного захода сложил в лузу сразу два шара. Неплохой показатель, очень даже неплохой. Но Зиновий этого как будто и не заметил. Все такой же серьезный и сосредоточенный, он снова прицелился. Долго водил кием по руке, выверял. Наташа уже не могла назвать его тряпкой. Невозмутимое спокойствие, уверенность в себе, нацеленность на победу. Так мог вести себя только настоящий мужчина.

Зиновий ударил. И снова чуть-чуть не хватило. Зато лысый закатил «своячка». «Три-ноль» – это уже серьезная заявка на победу. Еще удар, и снова мимо. Ответный удар. Счет вырос до четырех...

– Готовь червончик, юнец! – усмехнулся лысый.

Зиновий даже ухом не повел. Все такой же сосредоточенный, все такой же целеустремленный. Но Наташа уже поняла, что это чистой воды профанация. Не умеет играть Зиновий. Зато как вид делает, что умеет! И это уже большой плюс в его пользу! Только какой толк с этого «плюса»? В любом случае ей с ним не по пути. Так думала Наташа, глядя, как Зиновий четким ударом бьет по шару...

Но на этот раз удар достиг цели. Шар в лузе. Еще удар, еще. Четвертый шар, пятый... Шестой?! Седьмой?! Зиновий не успокоился, пока не загнал в лузу предпоследний шар. Наташа смотрела на него с открытым ртом. Она достаточно хорошо разбиралась в бильярде, чтобы понять, каким уровнем мастерства обладал Зиновий...

– Ну ты, парень, даешь! – восхитился лысый.

И сунул ему в карман «червонную» купюру – это при том, что договор был отменен. Вопросительно посмотрел на Наташу. Но она отрицательно покачала головой. В мягком варианте это значило, что ей сейчас не до него. А в более жестком – она посылала его на три буквы.

– Где так здорово играть научился? – спросила у Зиновия Наташа.

Лысому она задавала такой вопрос с наигранным восторгом. Сейчас же это чувство было искренним.

– Ну я во Дворце пионеров занимался радиоделом, а там бильярд был...

Зиновий снова размяк. Глупая улыбка, заискивающий взгляд, дрожащий от волнения голос. Наташе это не нравилось. Но и глумливых мыслей не возникало. Пусть он размазня, зато как играет круто! И смотрится при этом тоже круто...

– А еще в армии. Я в штабе служил, связистом. И там бильярд был. На дежурствах играли и вообще... Давно не играл, потому мазал...

– Мазал, мазал, а мимо червонца не промазал, – усмехнулась Наташа и взглядом показала на торчащую из кармана купюру.

– Ой! Мы же не договаривались! – опомнившись, Зиновий было рванул вслед за лысым.

Но Наташа его остановила. Крепко схватила за руку, при-

стально заглянула в глаза.

– Чего ты ойкаешь, как баба? – резко и хлестко спросила она. – Мужик ты или не мужик?

– Мужик... – с осуждением к себе нахмурился он.

– Вот и будь мужиком! И веди себя как мужик. А деньги отдай. Без договора – это подачка! Не было договора, значит, отдай. Но не унижайся...

Однако деньги отдавать уже никому не пришлось: лысого в кофейне не было. Впрочем, Зиновий не растерялся. С той же невозмутимостью, с которой укладывал в лузу шары, он достал из кармана зажигалку, поджег купюру.

– Эй, ты что делаешь? – возмутился бармен.

Но Наташа его успокоила жестом руки – дескать, нормально все, не возникай.

Огонь опалил пальцы Зиновия, но он все равно держал горящую купюру. И только когда совсем стало невмоготу, бросил ее в урну – там червонец и догорел.

– Правильно, уважаю, – покровительственно улыбнулась Наташа. – Так и надо.

Дрогнула хлипкая жилка в душе Зиновия, расслабились мышцы лица, отчего губы растянулись в глуповато-восторженной улыбке.

– Я тоже так думаю! – выпалил он с чувством гордости за себя.

– Держи себя в руках, парень, – с упреком глянула на него Наташа. – Всегда держи, что бы ни случилось...

И он послушал ее. Лицо снова приняло серьезное и сосредоточенное выражение. Даже взгляд стал жестче.

Она взглядом показала на дверь, за которой начиналась подсобка:

– Пошли, покурим...

Народу в кофейне было немного, но если бы здесь вообще никого не наблюдалось, она бы все равно не стала курить в зале. Во-первых, инструкцией не положено. А во-вторых, Виконт своими барскими замашками отучил ее курить на людях. Виконт... Теперь она принадлежала Черняку. Принадлежала. Слово-то какое... Разве ж она вещь, чтобы принадлежать кому-то? Нет, не вещь! Что хочет, то и делает. А она хочет... Наташа даже знала, кого хочет. А в подсобке можно не только курить...

Наташа закрыла дверь на защелку. Если Жора что-то заподозрит, вряд ли он сообщит об этом Черняку. Слишком он мелкая сошка, чтобы лично общаться с законным вором. А через кого-то делиться своими соображениями – дело неблагодарное. Пусть только накапает кому, Наташа в два счета его в стукачи запишет. Сама-то она отмажется, а Жора так оформшмачится, что в жизнь не отмоется. А если даже и застучит, что такого? Она – вольная птица, с кем хочет, с тем и летает. Сейчас она хочет полетать с Зиновием. Надо же было довершить начатое...

Он достал мятую пачку «Примы», но Наташа забрала у него сигареты.

– Потом...

Она расстегнула несколько пуговиц на его рубашке. Парень быстро сообразил, что от него требуется. Сильными руками обхватил ее за талию, взгромоздил на стол, задрал вверх ноги. Наташа ждала здоровой мужской агрессии, и получила сполна! В это трудно поверить, но с Зиновием она испытала еще не изведенную ранее остроту ощущений. Это было нечто!

– Ну ты и урод! – оправляя юбку, выдала она.

Ей требовалось сказать ему что-нибудь обидное, чтобы нос у парня не задирался сразу к потолку.

– Не понял, – ошарашенно посмотрел на нее Зиновий.

– Пусти козла в огород, всю капусту сожрет...

Она потянулась к брошенной на стол пачке «Примы». Гадость, но лень идти за своим фирменным «Мальборо». А курить хотелось так, что и махра была бы в радость.

– Кстати, о капусте... – глубоко затянувшись, сказала она. – Тебе деньги нужны?

– Это ты о чем? – растерянно спросил он.

– В бильярд ты классно играешь, вот о чем. На этом капусту рубить можно. Ты меня понимаешь?

– Да, но...

– Никаких «но»! – отрезала она.

В таком же резком тоне разговаривал с ней Черняк. Чувствовал над ней свою власть, потому так и разговаривал. И еще в таких случаях ставил властную роспись в виде своего

воровского «Я сказал!»... Но у нее и близко не было такого авторитета. Только власть над Зиновием. Она чувствовала эту власть. И ей нравилось говорить с ним в повелительном тоне. Он все стерпит. Не потому, что боится, а потому, что любит. Да, он влюбился в нее как сопливый мальчишка! Почему как? Пожалуй, она всерьез возьмется за него – слепит из него настоящего мужика. Но когда это будет? А пока что Зиновий – сопливый мальчик. И она должна утирать ему эти сопли...

– Хочешь быть со мной – слушайся меня, понял? – жестко произнесла она.

– Понял! – кивнул Зиновий.

В глазах – восторг и собачья преданность.

– Будешь играть! – в утвердительной форме заключила она.

– Буду!

В его голосе не было и тени сомнения.

– Вот и отлично. Что там у тебя с женой?

– Ничего... Совсем ничего. Она уже хочет, чтобы я вернулся. Но я не хочу...

– И правильно. Гусь свинье не кент... И не муж... Живешь где?

– С мамой.

– Там и живи. Ну, иногда ко мне можешь приходить. Если хорошо вести себя будешь...

Она снимала квартиру в нескольких кварталах от гости-

ницы. Маленькая «двушка» без телефона и почти без мебели, зато хозяйева за границу работать уехали – не беспокоят. И цена подходящая. Действительно, Зиновий мог бы иногда заглядывать к ней, согреть на ночь постель. Черняк хоть и считает ее своей, но спит чисто по настроению – два-три раза в недельку, и то в основном употребляет в качестве «послеобеденного десерта». А у Виконта уже другая лялька, и свором он конфликтовать не хочет. Да, Зиновий мог бы иногда навещать ее. Но только навещать. Иногда. А жить с ним как жена с мужем она не будет. Хоть и огонь у парня между ног, но этого мало, чтобы считаться с ним всерьез. Он может стать крутым мужиком, но ему никогда не быть аристократом преступного мира. А значит, не быть ее кумиром...

2

«Никогда ни перед кем не заискивай... Никогда ни у кого ничего не проси... Никогда ничего не бойся...» Никогда, никогда... Целый перечень из этих «никогда». И все из уст прекрасной Наташи. Зиновий изо всех сил старался соответствовать ее требованиям. Надо играть в «американку» или «пирамиду», пожалуйста. На деньги так на деньги. В конце концов, грабить и тем более убивать никого не надо...

Надо играть, и он играет. Вот бильярдный стол, пятнадцать шаров в пирамиде, биток, кий, соперник... А соперник не простой – из компании крутых ребят, в которую сватала

его Наташа. Зиновий понимал, что девчонка она непростая, из криминального мира. Но безумная любовь делала его слепым и заглушала голос разума...

Удар, удар... Зиновий сосредоточен, сознание в одной связке с кием нацелено только на победу... Еще удар... Три шара с удара. Неплохо. Но и соперник не лыком шит. Те же три шара с удара. Промах. На столе еще десять шаров. Не так уж и мало, но мазать нельзя. Слишком силен соперник для того, чтобы прощать ошибку... Лишь бы не сбился прицел, лишь бы не дрогнула рука. И, конечно же, нужна улыбка фортуны... Шар, второй, третий... Один-единственный промах... Четвертый, пятый... Партия сделана!

– Ну ты вундеркинд, в натуре... – уважительно посмотрел на него соперник – худощавый, верткий паренек. На бритой голове кепка, в зубах папироса.

Помещение подвальное, но вентиляция неплохая, так что табачному дыму недолго висеть над столом сизым облачком. Вот если бы несколько человек разом закурили! Но в зале только трое: Зиновий, его соперник и человек, которого ему представили как арбитра, – сухопарый мужчина с благородными чертами лица и длинными, как у пианиста, пальцами.

Арбитр молча посмотрел на Зиновия и сухим беспристрастным голосом велел сыграть еще одну партию. Возможно, он думал, что в первой Зиновию просто повезло. Но Зиновий доказал, что это не так. И шар за шаром сложил всю пирамиду. Безусловно, удача улыбалась ему. Но ведь би-

льярд – не карты, здесь без личного мастерства делать нечего. А он умел играть. Во Дворце пионеров играл, в училище, в армии. Никто его специально этому делу не обучал, по самиздатовским брошюркам азы постигал да на своих и чужих ошибках учился...

В третьей партии фортуна встала к нему боком. Зиновий целых три раза промахнулся, и его соперник сделал партию. Но арбитр все равно остался доволен.

– Рука набита, глаз-алмаз. Стабильности только не хватает. Ничего, мы этим займемся...

В тот же день он преподавал Зиновию несколько уроков. Однако нового Зиновий для себя мало что открыл. Прицельный глаз, бриллиантовая система, стойка и хват, мосты, дублет и абриколь. Все это Зиновий знал и так. Правда, что ни говори, а шлифовка мастерства ему бы не помешала...

– Завтра утром приходи, в половине одиннадцатого, – велел арбитр.

На следующий день Зиновий был на месте как штык. Наташа бы ему не простила, если бы он отказался от игры. Как будто это значило отказаться от нее самой. Но ведь от нее он никогда не откажется. Наташа – его судьба, он в этом нисколько не сомневался. К тому же ничто не мешало ему прийти. Ведь он уже уволился с должности электрика, а другую работу пока что даже не искал. Может, бильярд станет его работой. А почему бы нет?

Арбитр был не один. Рядом с ним за столиком сидел еще

один серьезного вида мужчина. Грубое землистого цвета лицо, подавляюще-пронзительный взгляд. Зиновий попытался было выдержать этот взгляд, но тщетно – глаза опустились к полу сами по себе. Увы, не обладал он той сильной энергетикой, которая была присуща сильным и властным натурам. Да и не хотел он быть сильным и властным. Вернее, раньше не хотел. А если еще точнее, то ему было все равно. Жил, как буюк в проруби болтался – к какому берегу прибьет, к тому и прижмется. Так говорила Наташа, и он с этим соглашался. И сейчас он прибился к берегу, к которому она его подталкивала. Но при этом он должен оставаться мужчиной, которым она хотела его видеть. Он старался, пытался держать хвост пистолетом, но, увы, это не всегда получалось...

– Как зовут тебя, пацан? – спросил незнакомец.

– Зиновий.

– Играешь, говорят, хорошо.

– Ну, вроде бы...

– А чего так неуверенно? Тебя кто-то обидел?

– Нет.

– А ведешь себя как обиженный.

Зиновий понял, что надо брать себя в руки. Представил, что он стоит за бильярдным столом, представил, что лицо собеседника – это шар, в который нужно попасть битком. Представил и внешне преобразился. Теперь на незнакомца смотрел невозмутимо серьезный и уверенный в себе парень.

– Под интерес сыграть не хочешь? – спросил мужчина.

– С кем?

– Есть человек. Он сейчас подойдет. А пока поговорим...

Говорил в основном Зиновий. Размеренно, с чувством собственного достоинства. Школа, ПТУ, армия. А потом появился человек, которого все ждали. Это был средних лет интеллигентного вида мужчина с хищным и холодным, как у ястреба, взглядом. И кличка у него Ястреб. А мужчину, с которым он разговаривал, называли Лесничим. Арбитра же так и звали – Арбитр. Оказывается, и это была кличка.

Зиновий понял, что и у него будет кличка. Если, конечно, Лесничий и иже с ним допустят его в свою среду обитания. В среду, которая была связана с преступным миром. Мало кто из нормальных людей стремился туда попасть, но тем не менее пропуск в этот круг нужно еще заслужить. Зиновий хотел его заслужить. Потому что этого хотела Наташа...

– Четвертой на кон? – скорее утверждающе, нежели вопрошающе посмотрел на Зиновия Ястреб.

Он кивнул, соглашаясь. У него всего в кармане тридцать рублей. Так что если он проиграет, ставить будет больше нечего. Но он не проиграет. Он был уверен, что не проиграет. Эта уверенность и привела его к победе.

Он сорвал банк и в первой, и во второй партии... Ястреб проигрывал ему, но, тем не менее, увеличивал ставки. Зиновий решил, что он сумасшедший, и даже попытался отговорить, когда он поставил на кон двести рублей – как раз столько, сколько проиграл. Но Ястреб был непреклонен. То-

гда Зиновий позволил ему сделать первый удар. За что и был наказан. Ястреб мастерски сложил с удара восемь победных шаров. Девятый и десятый шары стояли под ударом, но бить их он не стал. Зачем, если победа уже в руках...

Зиновий потерял выигрыш, но остался при своих. И все равно возникло такое ощущение, будто душа вывернулась наизнанку.

– Ну что, по соточке? – насмешливо спросил Ястреб.

– У меня больше нет, – мотнул головой Зиновий.

– Займи... Лесничий, займешь?

– Не вопрос.

– Ну так что?

– Не буду, – отказался Зиновий.

– Почему?

– Были бы свои, поставил бы, а займы брать не буду.

– А поставил бы?

– Ты здорово играешь. Но я не хуже.

– Не хуже, – согласился Лесничий. – А то, что займы не берешь, это правильно. И не колотишься ты, как лох беспонтовый. Ястреб в поддавки с тобой играл, развести тебя хотел. А ты не повелся. Это хорошо. А если бы он тыщу с тебя снял? Что бы ты тогда делал?

Лесничий пристально смотрел Зиновию в глаза. И, судя по всему, ответ на свой вопрос он получил еще до того, как Зиновий открыл рот.

– Отдавал бы, что еще делать.

– А в ментовку бы не побежал?

– Нет. Долг – это святое.

Зиновий был искренен в своих суждениях. Поэтому Лесничий ему поверил. И успокоился.

– Видел, как Ястреб играл? Сам так сыграть сможешь?

– В поддавки? Дело нехитрое. Смогу, – утвердительно кивнул Зиновий.

– И на деньги клиентов разводить сможешь?

– Я же не маленький, все понимаю.

– Если понимаешь, то сегодня вечером приходи. Лохов будем катать...

Лесничий перевел взгляд на Арбитра, что-то шепнул ему на ухо, и они вместе заговорщицки усмехнулись. И Зиновий догадался, о чем шла речь. Он не строил особых иллюзий по поводу собственной значимости и понимал, что не умеет производить на людей выгодное впечатление. Глядя на него, потенциальный лох ни в жизнь не разглядит серьезного соперника. Лохи его самого будут воспринимать как лоха. Судя по всему, именно об этом и сказал Лесничий Ястребу, именно поэтому они и смеялись. Но Зиновию было все равно. Он знал, ради чего он берет в руки кий профессионального каталы, он знал, что его ждет в случае успеха...

Глава 4

1

Зиновий играл неплохо. На три-четыре промаха один забитый шар. Наташа сама пробовала играть в «американку» на большом столе, знала, как вбивать шары, и о таких результатах, которые показывал Зиновий, могла только мечтать. Но она-то ясно видела, на что способен этот парень. И не сомневалась, что рано или поздно он покажет куда более блестящую игру. А пока что Зиновий играл просто неплохо, а потому проигрывал.

Лощеный щеголь с бриолином в причёске поглядывал на него свысока и с презрительной усмешкой на губах. Его забавляли суетливо-нервные движения Зиновия, лихорадочный блеск в его глазах. Но еще больше ему нравилось выкачивать из него деньги. Зиновий слил ему восемь партий подряд и потерял четыре «катыки». Но поскольку он косил под золотого мальчика-мажора, то щеголь намеревался снять с него еще столько же, а может, и во много раз больше...

– Я... Я уже устал... – отирая со лба пот, сказал Зиновий.

– Может, соку холодного? – обеспокоенно посмотрел на него щеголь.

Бойтся, что Зиновий соскользнет с крючка. А денег у него

еще как бы много – качать и качать.

– Нет, я вообще устал...

– А давай еще по одной. Ставку поднимем, а?

– До тысячи? – с идиотским видом спросил Зиновий.

Что ни говори, а это хорошо у него получалось. Как ни старалась Наташа, но ей пока что не удавалось окончательно убить в нем идиотско-лоховской нерв. Ничего, рано или поздно он станет тем, кем она хотела бы его видеть.

Есть в нем задатки. И надо сказать, что бильярд помогает их развивать. Он уже далеко не тот наивный придурок, с которым она познакомилась месяц назад. Это уже был уверенный в себе человек, который хорошо знал, что ему нужно в этой жизни. Прежде всего ему нужна была сама Наташа. Ради нее он готов был своротить любые горы. Его любовь приятно грела ее самолюбие. А иногда грела и ее постель. Время от времени она допускала Зиновия к своему белому телу. Втайне от Черняка, который так и продолжал считать ее только своей женщиной...

– До тысячи?! – в азартном возбуждении вытаращился на него щеголь. – А не много?

– Это все, что у меня есть...

– Ну давай по штуке!

Щеголь верил в легкую победу и страшно возмутился, когда Зиновий сорвал банк. Сделал он это очень аккуратно. Шел за щеголем «в притирку». Проигрывал с разрывом в один шар, а нагнал и перегнал под самый занавес. Неудиви-

тельно, что лох расценил его победу как везение. И продолжил игру, пока не спустил все свое лавэ. Зиновий играл тонко, и щеголь даже не понял, что его развели как лоха. Так и убрался из клуба в полной уверенности, что лоху-волосатику, за которого он держал своего соперника, просто повезло...

Зиновий наварил целые полторы тысячи. Очень редко, но бывали случаи, когда лохи и по пятьдесят косых штук зараз откатывали. Но и такой выигрыш можно было считать большой удачей. Ведь гораздо чаще терпилы останавливались на двух-трех «катьках». А тут полтора косаря. Часть выигрыша Зиновий отдаст Лесничему, часть отстегнет на «общак», но в любом случае на руках останется не меньше «пятихатки». Пятьсот рублей за вечер – это круто. Тем более, что свечи еще не погасли. Игра продолжается. А народ на лоха-самоучку ведется как стадо кроликов на сладкую и беззащитную морковку. Вечер еще впереди, и Зиновий, возможно, не раз пройдет этой «морковкой» по лоховским мордам. Пусть играет, а Наташе уже пора. Это в своей кофейне она королева, а в ночном бильярдном клубе она всего лишь своя, и не более того. К тому же Черняк ее в кабак сегодня звал...

В ресторан она шла с надеждой, что законника там не будет. Мало ли какое дело у него может возникнуть на ночь глядя. Ночь вообще создана для воров. Но, увы, Черняк был в своем отдельном кабинете. И внаглую тискал какую-то выжженную блондинку с размалеванной мордой. И хоть бы

капля раскаяния во взгляде у него появилась! Нет, он всего лишь убрал руку с ее огромного, но вялого бюста. Хотя бы оттолкнул эту лярву от себя, для приличия...

Зато Наташа знала, как соблюсти приличия.

– Пошла отсюда, мурловка голимая! – взъерилась она.

– Сама пошла!

Блондинка ответила ей тем же, но с оглядкой на вора. А Наташе все равно было, одобрит Черняк ее выходку или нет.

Она свои права знала. И вор их тоже знал. Поэтому погнал поганой метлой ее соперницу.

– И где ты эту выдру нашел? – с презрением к ней спросила Наташа.

– А места знать надо, – усмехнулся Черняк.

– С каких это пор ты с помоек кормишься?

– Базар фильтруй, да.

– А ты мне тогда рога не ставь.

– Я свободный вор, с кем хочу, с тем и ворочу.

– Да, но тогда ко мне со всяким сифилисом не суйся!

– Смотри, сама не засифонь... Говорят, мужики к тебе по ночам ходят... – на пониженных тонах и с леденящей угрозой в голосе сказал он.

– Кто говорит? – встрепенулась Наташа.

– Ты лучше спроси, кто ходит... Волосатик к тебе ходит...

Волосатик – это кличка, которая приклеилась к Зиновию с легкой руки Лесничего. За длинные волосы его так прозвали.

– Волосатик?! – изобразила она вздох облегчения. – Я уже подумала, что правда кто-то ходит...

– А что, Волосатик – не человек?

– Ты же знаешь, Волосатик – мое открытие.

– Ну и что?

– Как это что? Ты же знаешь, как он лохов разводит.

– И что, я должен ему за это бабу свою отдать?

– А ты спроси у меня, лягу я под него или нет? Он как был для меня лохом, так им и остался. А то, что вертится вокруг меня, так это я сама его на веревочке держу. А может, его отпустить, а? Пусть катится на все четыре стороны!..

– Отпусти. Он все равно лохов катать будет.

– Не будет. Без меня не будет!

– Давай попробуем.

– Как скажешь.

– И скажу. Чтобы я его рядом с тобой больше не видел.

– Сам ему и скажи.

– Кто он такой, чтобы я с ним говорил. Сама скажешь. И смотри, если застукаю вас вместе, и тебе башку откручу, и ему. Ты меня поняла?

В ответ она молча пожала плечами. Чего уж тут непонятного?

– А теперь ступай, – Черняк небрежно махнул рукой в сторону двери. – Дела у меня...

– Какие дела?! – возмущенно вытаращилась на него Наташа. – Эта выдра белобрысая?!

– Я сказал, иди!

Вор всем своим видом давал понять, что больше не потерпит ее бунтарских выходов. Если так, то его лучше не злить. Тем более, что не велика потеря. Уж куда лучше в одиночестве ночь провести, чем с этим кретином, возомнившим себя пупком земным...

– И пойду!

Пупок не пупок, но Черняк действительно был большой величиной. Кабинет в ресторане, номер в гостинице, начальство с ним на «вы» и шепотом. Его слово здесь имеет гораздо больший вес, чем директорское. Такое ощущение, что этот комплекс принадлежит не государству, а ему лично или, по меньшей мере, воровскому «общаку».

А уж ночной бильярдный клуб точно был его собственностью. Просторное полуподвальное помещение с ремонтом и вентиляцией, шесть столов, бар, обслуга, распорядитель. А какие деньги здесь крутятся! И никто, ничего. Все схвачено у Черняка, за все заплачено... И уж лучше не идти поперек его воли. Так думала Наташа. Именно поэтому и вернулась в клуб, где Зиновий обувал очередную жертву.

Она пальчиком подозвала его к себе.

– Не надо ко мне сегодня приходиться.

– А когда можно?

– Завтра скажу.

Завтра она скажет ему, что им нужно хотя бы на время прекратить отношения. Черняк сейчас на стреме, может и

выследить. А когда все успокоится, там будет видно... Завтра она это скажет. А сейчас нельзя. Он не должен расстраиваться: ему нужно играть, зарабатывать деньги. Ведь эти деньги в конечном счете достаются ей...

2

Наташа оставила Зиновия в клубе, а сама отправилась домой. С такси проблем не возникло: в ночное время «Волги» с шашечками рядами стояли возле гостиницы.

Проблемы возникли с водителем. Он оценивающе прошелся по ней взглядом. Спросил с насмешкой всезнающего умника:

– Белинского? Это ж совсем рядом. Пешком бы дошла. Сколько берешь?

Наташа поняла, что ее приняли за проститутку. Ну красится она ярко, ну бюст из кофточки вываливается, ну юбка короткая – но это не значит, что ее можно вот так нагло оскорблять.

– Сколько я стою, столько тебе ни в жизнь не заработать, придурок!

– Ты кого придурком назвала? – вспыхнул таксист.

Но Наташа его совсем не боялась. Она уже вытащила из сумочки револьвер.

– Ша! Башку разнесу!

Это была всего лишь зажигалка. Но смотрелась эта штучка

ка очень эффективно. И не менее убедительно, чем сама Наташа...

– Эй, ты чего? Не надо!

– Поехали, урод!

Таксист подвез ее к дому. О деньгах даже не заикнулся. Но она швырнула ему в морду целый червонец.

– Это еще кто из нас проститутка! – выходя из машины, ухмыльнулась она.

Таксист резко сорвал «Волгу» с места, но проехал метров десять-пятнадцать и остановился. Высунулся из окна, крикнул:

– Я тебя запомнил, тварь!

А это он зря... Наташа знала себе цену. И знала, к кому обратиться, чтобы с этого барана сшибли рога. А номера она запомнила.

Завтра же таксист поймет, на кого нарвался. Поймет. Но от этой мысли на душе не стало легче. Так и осталась на ней куча дерьма, которую навалил в нее сначала Черняк, а затем уже водила. Один ее за проститутку держит, и второй туда же. Может, она и в самом деле проститутка? С вором спит, потому что за ним сила. Волосатику стелет, потому что он с ней бабками своими делится. Но ведь на Зиновия она низалась еще до того, как увидела в нем курицу, несущую золотые яйца. Тогда она просто шлюха...

– А это мое дело! – вслух воскликнула она. – Как хочу, так и живу!

От переизбытка чувств и эмоций эта фраза сама вырвалась наружу. Вылетел «воробей», и ей совершенно не хотелось его догонять. Разве она не правду сказала? Как хочет, так и живет...

– По закону жить надо! – донеслось откуда-то из-за спины. Мужской голос. Какой-то приبلудный отозвался.

– Да пошел ты!

– Нехорошо грубить, гражданка. Нехорошо!

Голос показался ей знакомым. Да, где-то она его слышала. Наташа обернулась и увидела опера Шипилова.

– А-а, начальник... Какого хрена?

С кичливым видом она достала из сумочки револьвер-зажигалку. Презрительно усмехнулась, наблюдая за реакцией капитана. Его рука полезла под пиджак за пистолетом. Значит, опер при исполнении, подумала она. И щелкнула зажигалкой, чтобы вразумить его. А то еще и застрелит – снимет почем зря буйну головушку.

– Ты это, предупреждать надо... – с чувством огромного облегчения сказал он.

Как будто только что от запора избавился.

– А мы что, на «ты», начальник? – с показным возмущением спросила она.

– Нет, но можем...

– Тогда какого хрена ты здесь делаешь? Извините за выражение!

– Извиняю. Потому что настроение хорошее. Думаешь,

если мент, то личного времени нет? Есть. И загулять могу. Загулял...

– По бабам ходишь? А пушку зачем таскаешь? От хорей отстреливаться, да?

– Там не пушка, там зажигалка.

– А пушка, значит, в штанах?

– Отстрелялась пушка, – с видом записного гуляки-балагура улыбнулся Шипилов.

Но Наташа на его дешевые оперские ужимки не купилась.

– Слушай, мусор, ты мне мозги не затирай, не надо, – язвительно усмехнулась она. – Меня здесь ждал? Чего надо?

– Не ждал я тебя, просто...

– Ты свое «просто» на толчке заголяй. Я спрашиваю, чего надо, мент! – в упор и с вызовом в голосе спросила она.

– Поговорить надо... – сдался он.

– Так бы сразу и сказал. Давай повестку, завтра к тебе приду. Ну, может, послезавтра.

– Повесткой на допрос вызывают, а я просто поговорить хочу.

– Говори.

– Может, на огонек к себе пригласишь? На чашечку кофе.

– Может, еще на палочку чая? Обойдешься! Иди, откуда пришел.

– Зачем ты так? – обиделся Шипилов. – Я же по-хорошему.

– Знаю я это ваше хорошее. Знаю, как оно боком выхо-

дит...

– Ничего я тебе плохого не сделаю.

– Еще я мента в дом не водила.

– Значит, нет. Ну, хорошо! – угрожающе прошипел капитан.

И резко повернулся, чтобы уйти. Чтобы с камнем за пазухой уйти. Не пригрела его Наташа, что ж, он ей за это отомстит. А ментам человека подставить, что плюнуть. Надо его тормозить, камень из-за пазухи вытаскивать.

– Эй, погоди!

Наташа осмотрелась по сторонам. Никого. Тихо во дворе и безлюдно. Да и кто со стороны углядит, что Шипилов – мент. Он же в штатском, с виду – обычный парень. И бояться его не стоит. Пусть он ее боится. Вот возьмет заведет его в дом, а потом обвинит в изнасиловании. Хотя, конечно, лучше мента не подставлять...

Наташа провела нежеланного гостя в дом, посадила за столик на кухне. Приготовила кофе.

– Кофе вкусным должен быть, – сказал он, и как оказалось, не без умысла.

– Будет вкусным.

– Ты же в кофейне работаешь.

– Всего лишь официантом, – напряглась Наташа.

– Людей к азартным играм склоняешь.

– Кто тебе такое сказал?

– Да есть информация.

– Можешь плюнуть в рожу своему информатору. Врет он все!

– Не врет, правду говорит. И что с Черняком в любовь играешь, тоже правда.

– Почему играю? Может, я его люблю?

– Да ладно тебе. Любишь вора и спишь с бильярдистом.

– Чего? – ошолбенела от возмущения Наташа.

– Зиновий его зовут. Не знаю, что ты в этом парне нашла, но позавчера ночью он ночевал у тебя дома. И утром выходил от тебя.

Шипилов вытащил из кармана несколько черно-белых фотографий, на которых был запечатлен Зиновий, выходящий из подъезда ее дома...

Сами по себе фотографии особой опасности не представляли. Гораздо сильнее смутил тот факт, что за ее домом следили, что сама она находится в оперативной разработке. А менты если вцепятся в руку, то пока ее не отгрызут, не успокоятся...

– И... И зачем это все? – ошеломленно спросила она.

– Ну, не знаю... Как думаешь, что будет, если Черняк увидит эти фотографии?

– Ничего. Ну, бывал у меня Зиновий. Мы же как бы дружим.

– Вот именно, что как бы. Зиновий утром от тебя уходил. Утром! Посмотри на снимок, вид у него сонный, а физиономия довольная. А вот видишь, дворник на заднем плане.

Дворники только по утрам убираются. Если он утром от тебя уходил, значит, ночь провел с тобой. Не думаю, что Черняку это понравится...

Наташа была в состоянии, близком к панике. Но присутствия духа не теряла.

– Ну, может, и со мной ночь провел. Ну и что? Черняку все равно.

– Да ну? Тогда зачем огород городить? Передадим ему эти фотоснимки, и дело в шляпе, – глумливо усмехнулся капитан.

– Зачем их ему отдавать?

– Ну, не пропадать же нашим трудам даром.

Наташа смотрела на Шипилова и понимала, что он действительно может сделать так, чтобы эти фотографии попали в руки Черняку. Из вредности или даже из подлости. А Черняк сделает выводы. Он же обещал голову ей открутить, если узнает про ее слишком тесное общение с Зиновием. Возможно, вору все равно, спит она с кем-то, помимо него, или нет, но ведь он дал слово. И он его сдержит. За Зиновия Наташа не переживала, ей было все равно, что с ним будет. Она дрожала за свою жизнь...

– Чего тебе надо, капитан?

Не надо было заканчивать университет, чтобы понять, к чему клонит мент. Неспроста же он организовал ей эту ночную фотовыставку.

– Правильно соображаете, гражданочка, – самодовольно

усмехнулся Шипилов. – Мне от вас кое-что нужно. Во-первых, я бы хотел наставить вас на путь истинный. Скользкой дорожкой ходите, комсомолка Слюсарева, как бы под откос не загреметь!

– А во-вторых? – резко перебила его Наташа.

– Во-вторых, мне нужен Черняк.

– Тебе лично?

– Ну нет, конечно. Черняк – вор в законе, рецидивист, социально опасный элемент. Короче говоря, мне нужна информация о нем. И я хочу получать ее от его любовницы.

– Ни с кем из его любовниц я не знаюсь.

– Наталья Павловна! Ну зачем вы так! Ты – его любовница. И я хочу, чтобы ты работала на меня!

– А ху-ху не хо-хо?

Наташа едва сдерживала себя от того, чтобы не выплеснуть кофе оперу в лицо. Это же надо! Стукача из нее сделать хочет!

– Успокойся, Наташа, – Шипилов перешел на увещательный тон. – И хорошо подумай, прежде чем разбрасываться словами. Прежде всего, ты должна понять, что за Черняка мы взялись основательно. Никто не позволит ему превращать «Загорье» в воровской притон. Никто! Да и других грехов за ним немало. Рано или поздно мы его возьмем и посадим. И ты сядешь вместе с ним. Да, тебя, такую молодую и красивую, постригут под «ноль» и отправят на этап...

– Что я такого сделала?

– А вспомни Селиванова, вспомни других простаков, которых ты втянула в преступную аферу.

– Это еще доказать надо.

– Есть люди, которые уже дали показания против тебя. И этого уже достаточно для того, чтобы прямо сейчас отправить тебя за решетку. Но мы даем тебе шанс начать новую жизнь.

– Вы разводите меня как лоха, – горько усмехнулась Наташа. – Берете на пушку, как ту дурочку с переулочка. Если у вас есть доказательства моей вины, какого ляда вы меня к этим чертовым фотографиям привязываете!

– Для страховки, – не моргнув глазом ответил Шипилов.

И пойми, есть у него доказательства ее вины, или эти слова – всего лишь дешевая уловка. Ох и мутит мент, ох и мутит...

– Значит, я со всех сторон повязана?

– Выходит, что так, – кивнул капитан.

– Значит, мне некуда деваться?

– Ну почему же некуда? Будешь сотрудничать с органами. А когда Черняк сядет, мы от тебя отстанем. Устроишься на приличную работу, будешь жить как нормальные люди.

– Выйду замуж, нарожаю детей.

– Почему бы и нет? Кстати, я молодой и неженатый, – весело улыбнулся Шипилов.

– Это на что ты намекаешь? – пристально посмотрела на него Наташа.

– А на то, что и ты молодая и не замужем. И очень красивая.

– Замуж меня взять хочешь? – ухмыльнулась она. – Да я от разрыва сердца умру, если во сне замуж за мента выйду.

– Это ты так говоришь, потому что пока еще по ту сторону баррикад находишься. Начнешь работать на социалистический закон и станешь нашей.

– И не мечтай!

– Поживем – увидим.

Наташа вспомнила секретаря райкома ВЛКСМ, который разговаривал с ней как с будущей комсомолкой. А у нее роскошные волосы до плеч, губы накрашены, юбка короткая, туфли на высоком каблуке. Он ей там что-то про демократический централизм с идейным вдохновением втирал, а сам на ее ножки похотливо пялился. Можно сказать, изнасиловал ее глазами. И этот что-то там ей про социалистическую законность несет, а сам уже раздел ее взглядом. Осталось только в позу поставить да свою женилку в ход пустить. Козел ментовской! Хрен ему что обломится! А насчет сотрудничества надо думать. Не так все просто, чтобы взять да отказать. Если Черняк у ментов под колпаком, то рано или поздно мышеловка закроется не только за ним, но и за теми, кто вокруг него. А Наташа не хотела садиться в тюрьму...

Она сама передала Черняку весточку, что хочет встретиться с ним. В тот же день он пригласил ее к себе в кабинет.

Время – час пополудни, Наташа думала, что вор угостит ее обедом. Но он даже не спросил, хочет она есть или нет.

– Ну и чего тебе надо? – спросил он, с каким-то непонятым ехидством всматриваясь в ее глаза.

– Пожаловаться тебе хотела.

– На таксиста? – спросил Черняк.

Вопрос ввел ее в шоковое состояние.

– Ты откуда знаешь? – потрясенно вытаращилась на него Наташа.

– Знаю, – презрительно усмехнулся вор. – Я все знаю. И то, что мента у себя принимала...

Это был удар ниже пояса. И надо же было ей вчера тащить Шпилова к себе домой! Понимала же, что Черняк мог послать к ней своих людей, чтобы поймать ее с поличным в постели с Зиновием. Выследили же ее менты, и Черняк мог выследить. Не зря же она дала вчера Зиновию отбой. А вот с Шпиловым прокололась...

– Или скажешь, не было мента? – вор смотрел на нее так, как будто видел насквозь и ее саму, и ее мысли.

Надо было выкручиваться. И спасти ее сейчас могла только правда. Вернее, полуправда.

– Был мент. Потому и пришла, – через силу улыбнулась она.

– А таксист? Ты же на него пришла жаловаться.

– Не на него. На мента. Поверь, мне сейчас не до какого-то там таксиста...

– Хочешь, чтобы я тебе поверил? Ну, говори, что ты там хотела сказать? Может, и поверю.

– Менты сети на тебя ставят. Вот что я хотела тебе сказать...

– Сети? На меня? – крепко задумался вор. – Это интересно. Кто к тебе вчера приходил?

– Шипилов его фамилия. Капитан из уголовного розыска. Он меня по одному делу привлечь пытался, да ты у Виконта можешь спросить, он в курсе.

– Спросим. И что этому менту от тебя было нужно?

– Он хочет, чтобы я стучала на тебя. Не на ту нарвался!

– Прямо уж не на ту! – пронзительно посмотрел на нее вор. – А может, и на ту, а?! На чем он тебя спалил, а?

– Ну, сказал, что я лохов под интерес развожу. Менты все знают, они давно пасут нас. Под тебя роют. А я так, шушера для них...

– Шушера. Мелкая рыбешка. Мелкую рыбешку насаживают на крючок, чтобы поймать крупную. Значит, на ментовку решила поработать?

Наташе казалось, что Черняк видит ее насквозь. А если так, то он знает, что она дала согласие Шипилову. И неваж-

но, что при этом решила сливать ему пустую информацию о законнике...

– Да нет же, нет! – в ужасе мотнула она головой.

Если Черняк обвинит ее в предательстве, то сегодня же ее труп будет покоиться на дне реки. Камень на шею, и с моста. Но ведь она хочет жить.

– Я ему сказала, что согласна работать. Говорила, а сама думала, что завтра же расскажу тебе. Вот я и пришла...

– А таксист?

– Плевать я хотела на какого-то там таксиста!

– Но ты же на него жаловаться приходила? А что? Я убиваю таксиста, а ты стук-стук своему красноперу...

– Я же сказала тебе, на мента пришла жаловаться!

– А что я могу сделать твоему менту? Завалить его? Так за него вышку дадут, а мне это надо?

– Не надо валить. Я хотела, чтобы ты знал, зачем он приходил.

– Что ж, теперь я точно знаю, что ты насадка.

В голосе Черняка звучал смертный приговор. Наташа в ужасе схватилась за голову. Она не знала, как переубедить вора. Да и не было в том смысла. Он своего мнения уже не изменит.

– Да, Натаха, не думал я, что ты такая курва.

– Но это же не так!

– Так или не так, убивать я тебя не буду. Живи, работай на ментов. Только говорить им будешь то, что я тебе скажу.

Да ты и знать-то ничего не будешь про мои дела.

– Я... Я все сделаю так, как ты скажешь...

– Ну вот и ладненько.

– Бильярд закрывать надо. Шипилов знает про него.

– Не надо закрывать, – в раздумье покачал головой Черняк. – Тогда менты решат, что и мы знаем об их закидонах. Или от тебя узнают, а?

– Нет! Можешь на меня положиться!

– А что, неплохая идея, – паскудно ухмыльнулся вор.

Он «положился» на нее прямо в кабинете. Разложил тут же на столе и... В нем было столько извращенной злости и похоти, что Наташа не выходила от него, а выползала...

Глава 5

1

На Зиновия тошно было смотреть. Расклеился, нюни распустил. Не мужик, а тряпка...

– Наташа, что случилось? Ты меня разлюбила?

Как бы не расплакался, сосунок.

– А кто тебе сказал, что я тебя любила?

– Ну как же...

– Слушай, когда же ты наконец мужчиной станешь!

Сейчас до Зиновия дошло, что его жалкий вид вызывает у нее отвращение. Нахмурился, закусил губу и молча направился к столу. Знал, что игра на бильярде придает ему мужественности, потому и взялся за кий.

Будет играть. Пока Наташа сама к нему не подойдет. А надо подойти, надо сказать, что между ними все кончено. Ее жизнь и без того на волоске висит, чтобы рисковать головой из-за какого-то сопляка...

Но к ней самой подошли. Это был Мотыль, воровская «шестерка».

– Пошли. Черняк кличет.

Сказал он это с такой небрежностью, как будто Наташа была прокаженной. А ведь она действительно прокаженная.

Из-за проклятого мента! Была бы возможность, задушила бы эту сволочь!

Черняк ждал ее в своем кабинете. Снова ничего не предложил – как будто ему было запаadlo есть с ней с одного стола. Даже сесть не позволил. А она была не в том положении, чтобы своевольничать. Прошло ее время. Черняк относится к ней так, как будто она опущенная...

– Узнавали про твоего дружка, – свысока и с презрительной насмешкой сказал он. – Голимый мент, скажу тебе. Под меня копает, чтобы выслужиться.

– Что я должна ему сказать?

– Что ты сука конченная. Короче, силы за ним никакой нет. Сам по себе этот мусор... Жить хочешь?

– Да.

– Тогда тебе придется загладить свою вину.

– Нет за мной никакой вины. Но что скажешь, то и сделаю.

– Сделаешь. Никуда ты от меня не денешься. Сделаешь, будешь жить. Нет, тебя саму сделают.

Насиловать он ее после разговора не стал. Но уж лучше выть под ним от боли, чем делать то, к чему он ее принудил...

2

Зиновий играл без настроения. Не было куража, не было желания заработать деньги. А зачем они ему нужны, если

Наташа отвернулась от него? Она уже не хочет, чтобы он ее любил, чтобы приходил к ней по ночам. Без нее не то что играть – жить нет смысла...

Погруженный в мрачные думы, он не заметил, как сложил в лузу четыре шара подряд и тем самым сделал партию. А ведь он должен был изображать неумеху перед заезжим простачком.

– Эй, что ты делаешь? – услышал он над ухом тихий женский голос.

Это была Наташа. Мало того, что все это время она находилась где-то рядом, она еще следила за игрой. А он этого даже не заметил...

– Извини, задумался, – через силу улыбнулся он.

– Ты кому это говоришь? – взглядом показывая на терпилу за его спиной, шепотом спросила она. – С ним надо говорить. Скажи, что это чудо для тебя.

– Чудо для меня – это ты!

– Ну, хватит, – поморщилась она.

И вдруг сменила гнев на милость.

– Успокойся, возьми себя в руки. А как освободишься, приходи ко мне. Буду ждать.

– Правда? – восторженно просиял Зиновий.

– Еще раз говорю, возьми себя в руки! – сказала она.

Помахала ему ручкой и скрылась за дверью.

– Подруга твоя? – спросил соперник по игре.

Это был грузный мужчина с сильным, но не всегда точным

ударом.

– Ну, можно сказать, да, – кивнул Зиновий. – Сегодня познакомился.

– Красивая.

– Не то слово. Ради нее старался, ради нее партию сделал. Ушла, как теперь играть буду, не знаю.

Зиновий научился врать, научился оставлять своих жертв с носом. Он стал аферистом, он стал преступником, но его это мало волновало. Главное, что Наташа снова любит его. Главное, что эту ночь он проведет с ней...

– А деньги? Ставка – двадцать рублей. Ради них и старайся! – насмешливо посмотрел на него толстяк.

– Да что деньги! Этого добра у меня навалом. Отец – директор завода.

– О! Тогда эта девочка точно у тебя в кармане. Ну что, еще по двадцаточке?

– Ну, можно...

Толстяк выиграл у него уже двести рублей. И был полон решимости разувать его дальше. А то, что Зиновий последнюю партию выиграл, счел досадным недоразумением. Но недоразумением он стал сам. Зиновий изображал простофилю до тех пор, пока вошедший в раж соперник не поставил на кон все свои деньги. Тут-то и случилось то, что и должно было случиться. Восемьсот рублей как с куста.

Обескураженный толстяк убрался восвояси. Но ведь вечер в самом разгаре, еще играть и играть, если клиенты бу-

дут. Только вот у Лесничего было другое мнение.

Начал он с того, что похвалил Зиновия.

– Молоток, братишка, так держать!

А потом сообщил в общем-то не очень хорошую, но для него приятную новость:

– Проблемы у нас, менты воду мутят. Закрываются будем.

Завтра приходи...

Конечно же, Зиновий был только рад, что его отпускают. Время еще детское – четверть одиннадцатого. Наташа уже дома, и он имеет полное право отправиться к ней в гости. Ведь она же сама сказала, что будет его ждать. И он уже освободился... К Наташе, к ней, и чем быстрее, тем лучше!

На улицу можно было попасть через черный выход. Но, как назло, сегодня он был закрыт. Может, нарочно закрыли, из-за опасения перед милицейской облавой. Как ни крути, а бильярдный клуб представлял собой самый настоящий приют для азартных игр. Такие заведения, как правило, долго не существуют. И этот закроют. Ну и ляд с ним... Лишь бы самого не закрыли. Но это вряд ли... Хотя все может быть... Зиновий понимал, что его могут арестовать, бросить за решетку. Но эту опасность он воспринимал как нечто отдаленное, в то время как свидание с Наташей так близко, и так оглушительно радостно! Черный ход закрыт, значит, надо поворачивать назад и уходить через парадный вестибюль гостиницы. Но это всего-то лишних десять секунд. Если, конечно, на Люду не нарваться. Правда, в это время она уже

должна быть дома...

Однако надежды не сбылись. Не удалось Зиновию незаметно проскочить через холл. До спасительного выхода оставалось каких-то два-три метра, когда он услышал знакомый голос. Люда окликнула его по имени. Бежать смысла не было: она упрямая, она догонит, может и сцену устроить. Выход оставался только один – вступить с ней в переговоры и соглашаться во всем.

– К мымре своей бежишь? – с презрением к сопернице злобно спросила Люда.

– Нет, домой.

Зиновий медленно направился к дверям. Грозовая туча могла разразиться громом в любой момент, и уж пусть лучше это случится на улице, чем в закрытом помещении.

– Врешь! – хватая его за руку, рыкнула Люда.

– Нет.

– Что, бросила тебя эта курва?

– Да, – снова соврал он.

– И где ж ты врать так научился? А я знаю, где! Охмурила тебя эта дрянь! В бильярд играешь, на деньги! Доведет она тебя до тюрьмы, вот увидишь!

– Нормально все будет. Люда, извини, мне пора, мама ждет.

– Подстилка воровская тебя ждет! Шлюха она! Проститутка! Тварь!

Вот с этим Зиновий согласиться не мог.

– Заткнись! – вспылал он и резко повернулся к ней спиной.

Но не тут-то было. Она снова поймала его за руку, и на этот раз с гораздо большей силой притянула к себе.

– Зиновий, не уходи!

Гнев продолжал kloкотать в ней, но наружу не прорывался. Зато слезы на глаза навернулись, и лицо у нее таким вдруг жалостливым стало, что сердце дрогнуло.

– Но мне надо.

– Не ходи к ней, не надо. Она с ворами водится, с бандитами. Черняк ее топчет. Уголовница она. И тебя уголовником сделать хочет. Не доведет она тебя до добра. В тюрьму с ней сядешь. В тюрьму, помяни мое слово...

– Не сяду. Идти мне надо...

Он снова вырвался, но в этот раз не позволил удержать себя. Не оглядываясь, скорым шагом дошел до остановки и сел в первый подъехавший автобус. Впрочем, он мог и не торопиться: Люда его не преследовала, разве только тоскливо-жалобным взглядом...

Всю дорогу Зиновий думал о жене. Не хотел он делать ей больно, не хотел. Но назад к ней вернуться не мог. Теперь у него есть Наташа, и в ней заключен смысл его жизни.

Наташа была дома. Открыла ему дверь, коснулась губами щеки. И все мысли о брошенной жене тут же выветрились из счастливой головы.

– Что-то ты рано, – невзначай заметила Наташа.

– Лесничий сказал, что менты воду мутят.

– Ну, если он сказал, тогда да. Но ты не волнуйся, менты тоже кушать хотят. Есть люди, которые с ними договорятся.

– Кто, например? Черняк?

– Допустим.

Разумеется, он знал, кто такой Черняк. Лично знаком с ним не был, но много слышал и даже пару раз видел – вор заходил в клуб, со стороны наблюдал за его игрой. Вроде бы остался доволен, но не изъявил желаний познакомиться с мастером Волосатиком. «Черняк ее топчет...», – сказала сегодня Люда. Неужели так оно и есть? Ведь Черняк заступился за Наташу, когда она повздорила с Людой, он же и в кофейню ее устроил. Не за одни же красивые глаза он ей благоволит...

– И что с того? – пристально глядя на него, спросила Наташа.

Зиновий не смог выдержать ее взгляд.

– Да так...

– Ты хочешь знать, сплю я с ним или нет? Сплю. Иногда...

– Зачем ты мне это говоришь?

– Ты же сам хотел знать. Также знай, что Черняк запретил мне спать с тобой. Но я все равно тебя позвала. Потому что ты мне очень-очень нужен.

– Ты меня любишь? – с надеждой спросил он.

– Не знаю, может быть.

– Может, нам лучше уехать отсюда?

Зиновий боялся связываться с Черняком. Да и смысла в

том не было. Наверняка вор znalся с Наташей еще до того, как она стала работать горничной в гостинице. Он же и помог ей устроиться на эту работу. Он же и принимал от нее за это благодарности, потому что имел на нее права. Получается, что не Черняк украл у него Наташу, а наоборот. Нет, не резон связываться с вором. Напротив, надо отвязаться от него – уехать в другой город – в Москву, в Ленинград... Да хотя бы в Магадан, лишь бы только вместе с Наташей.

– Я не против, – нежно улыбнулась она. – Но Черняк – вор, у него связи по всей стране, он везде нас найдет. Разве что за границу. Но кто нас выпустит?

Заграница отпадала. Надо было обладать дипломатическим статусом, чтобы продраться через тернии «железного занавеса». Или в диссиденты податься. Но не так просто диссидентом стать. Лучше и не пытаться.

– А мы на Дальний Восток уедем, далеко-далеко.

– Ужинать будешь, путешественник? – усмехнулась Наташа.

– Да я бы не отказался.

– Разносолов не обещаю. И горячего тоже.

Готовить она не любила. Зато в холодильнике у нее водились дефициты – колбаска сырокопченая, сыр голландский, икра черная и красная. А бутербродики она лепить умела.

– Как насчет по пять капель? – спросила она и вытащила из холодильника бутылку «Большого приза».

– Спрашиваешь, – блаженно улыбнулся Зиновий.

Сейчас разогреются коньячком, а потом в постель. Скорей бы!

Они выпили по рюмке, закусили бутербродами. Еще по рюмке...

– Что за нездоровый блеск в твоих глазах? – жеманно спросила Наташа. – Что-то ты задумал, негодник!

– Задумал...

– Тогда пошли!

Она поднялась с места, расстегивая халат. Взяла его за руку и повела в комнату, где уже был расправлен и застелен диван.

– Какой же ты у меня! – прошептала она, закрывая в его объятиях глаза.

– Только у тебя...

Он понимал, что Наташа ценит его за неумемную страсть. И больше всего на свете боялся оплошать с ней в постели. Боялся, а потому с ужасом осознавал, что сегодня может произойти осечка. Желание стояло крепко, но глаза закрывались сами по себе. Очень хотелось спать. Он боялся, что может заснуть в процессе...

– Еще! Еще! – требовала Наташа.

Он старался, усиливал натиск. Но чувствовал, что скоро заснет прямо на ней. А может, все-таки сумеет пересилить себя? Может, закончит начатое?..

Проснулся Зиновий от болезненного удара по голой пятке. Встрепенулся, открыл глаза и увидел перед собой человека в милицейской форме.

– Ты что делаешь? – возмущенно спросил он.

И вдруг обнаружил, что лежит на диване с руками, скованными наручниками. В комнате ясно от утреннего света, но в голове – ночные потемки. Кумпол раскалывается от боли, во рту – пустыня Сахара. А ведь вчера они с Наташей выпили совсем чуть-чуть. И где же, черт возьми, Наташа? Почему менты хозяйничают в ее квартире?

– Не «ты», а «вы»! – рявкнул на него парень в форме. – Человека ты убил?

– Какого человека? – холодея от ужасного предчувствия, спросил он.

– Который на кухне лежит.

– Никого я не убивал. А где Наташа?

– Какая Наташа?

– Ну, она здесь живет.

– Нет здесь никакой Наташи. Мужчина есть мертвый, а Наташи никакой нет. Ты его убил?

– Не знаю ничего. Я спать вчера лег. О ком вы говорите?

Зиновий попытался встать с дивана, но резкая команда «Лежать!» охладила его пыл.

– Лежи, – чуть более мягко повторил милиционер. – А то натопчешь там. Сейчас бригада подъедет, самого топтать будут.

Оперативно-следственная бригада не заставила себя долго ждать. Следователь, оперативники, эксперты. Зиновия сразу взяли в оборот. Позволили ему одеться, провели на кухню, посреди которой в луже крови лежал обнаженный по пояс покойник. Перевернутые стулья, сдвинутый с места стол со следами вчерашнего пиршества. Чертовщина какая-то...

– Ты его застрелил? – грубо спросил оперативник с хищным, как у волка, взглядом.

– Застрелил? – ошарашенно пробормотал Зиновий.

– Да, из пистолета.

– Из какого пистолета?

– Из этого.

Ему показали пистолет, упакованный в целлофановый пакет. И указали на огнестрельную рану на груди покойного.

Над трупом склонился мужчина в белом халате. Зиновия отвели в комнату, посадили в кресло. Оперативник навис над ним и надавил волчьим взглядом.

– Ну что, колоться будем?

– Я не убивал...

– А кто это сделал?

– Не знаю...

Зиновий не видел, кто подошел к оперативнику. Зато

услышал голос.

– Там у него кобура под пиджаком. И корочки наши...

Оперативник вышел из комнаты, а когда вернулся, у Зиновия возникло чувство, что его сейчас самого застрелят – столько злобы и ненависти было у мента в глазах.

– Ты хоть знаешь, кого убил? Ты сотрудника уголовного розыска убил! Ты моего коллегу убил!

От страха Зиновий сжался в комок.

– Говори, мразь, или я тебя сейчас по стенке!

– Не убивал...

– Ну, все, ты меня достал!

Оперативник сунул руку под пиджак и вытащил пистолет. Опасения оправдались – Зиновий в ужасе закрыл глаза. Но выстрела не последовало.

– Олег, не надо так, успокойся!

Опера обезоружили, но пока выводили из комнаты, он успел изрыгнуть проклятие и угрозу:

– Сволочь! Если не признаешься, гад, я тебя собственными руками!

Его место занял мужчина с благообразными чертами лица и гораздо более мягким взглядом. Представился. Следователь прокуратуры Степанков.

– Теперь представьтесь вы, – усаживаясь перед Зиновием на табуретку, спросил он.

– Нетребин. Зиновий Нетребин...

– Где работаете?

– Э-э, работал электриком в гостинице «Загорье». Уволился. Временно не работаю...

– Понятно. Эта чья квартира?

– Наташа здесь живет. Подруга моя.

– Где она?

– В том-то и дело, что не знаю.

– Она могла убить?

– Ну что вы!

Зиновий подумал, что Наташа с ее характером могла бы человека убить. Девушка она с характером, своенравная, и под горячую руку ей лучше не попадаться. Но разве же мог он свалить вину на нее?

– Кто еще был здесь, кроме Наташи?

– Ну, этот, который в кухне. Но я даже не знаю, как он появился.

– Кроме него, кто здесь еще был?

– Не знаю. Мы с Наташей спать легли, я заснул. Просыпаюсь, милиция, наручники на руках...

– Много выпили вчера?

– Да нет, совсем чуть-чуть...

– По вашему дыханию не скажешь, – усмехнулся Степанков. – И вид у вас похмельный. И часто у вас провалы в памяти случаются?

– Какие провалы? Я спать лег, не знаю ничего. Честное слово, не убивал.

– А ведь мы бы могли оформить вам явку с повинной.

Вы хоть понимаете, что это может для вас значить? Пойми, парень, за убийство сотрудника милиции суд, как правило, назначает высшую меру наказания. Высшая мера – это расстрел. Пойми, у тебя только один шанс сохранить себе жизнь, и он заключен в явке с повинной. Даже чистосердечного признания будет мало. А явку с повинной мы можем оформить только сейчас. Даже в КПЗ будет поздно.

– Но я никого не убивал. И не знаю, кто это сделал.

– Ну, смотри, потом жалеть будешь.

Зиновий не знал, кто убил невесть откуда взявшегося оперативника. Может, Наташа это сделала, но валить на нее все шишки он не смел. И на себя вину брать не собирался. В конце концов, отчаявшись выбить признание, следователь распорядился отправить Зиновия в камеру предварительного заключения.

Глава 6

1

В КПЗ Зиновий провел четверо суток. В полной изоляции от внешнего мира. Ни допросов, ни свиданий. И у дежурного милиционера ничего не спросишь: ответ на любой вопрос только один – «не положено». Камера одиночная, а значит, нет никого, с кем можно было бы пообщаться.

Где-то Зиновий слышал, что в камере предварительного заключения не положено находиться более трех суток. По истечении этого срока следователь должен предъявить обвинение либо выпустить на свободу. Срок уже истек, обвинение не предъявлено. Значит, он ни в чем не виновен, значит, его должны освободить. Так думал Зиновий, поэтому скрип тяжелой железной двери он воспринял как предзнаменование близкой свободы.

– Нетребин, на выход! – флегматично выдал дежурный милиционер.

– С радостью!

Зиновий всерьез рассчитывал получить назад свои вещи и пропуск на волю. И был удивлен, когда его под конвоем доставили в кабинет с табличкой «Оперуполномоченные». Там его ждал бородатый, с густыми бровями мужчина. Спокой-

ный, как потухший вулкан. Но Зиновий нутром чувствовал, что этот вулкан мог в любую минуту пробудиться.

Это был следователь прокуратуры, которому поручили вести его дело. *Его* дело. Младший советник юстиции Горбунцов. Имя-отчество Зиновий прослушал. Такая суматоха в голове началась, что даже удивительно, как фамилию запомнил...

Следователь без предисловий предъявил ему постановление на арест. Зиновий понял, что никогда не сбыться надеждам на благополучный исход дела. И свободы не видать, и Наташу больше никогда не целовать. За убийство сотрудника милиции ему грозила высшая мера наказания. Суд мог приговорить его к расстрелу, но уже сейчас он чувствовал себя заживо погребенным.

– Эй, парень, очнись! – одернул его следователь. – Натворил дел – наберись смелости признаться в содеянном.

Он предложил ему сигарету с фильтром, налил стакан воды. Как будто этим можно было смягчить боль угодившей в капкан души.

– Но мне не в чем признаваться... – мотнул головой Зиновий.

– Хочешь сказать, что ничего не помнишь.

– Нет.

– Значит, в момент преступления ты находился в состоянии алкогольного опьянения. Только не думай, что это смягчает твою вину. Напротив, усугубляет. Так что давай себе

рись с мыслями и подробно изложи мне, как ты убивал капитана милиции Шипилова...

– Но я его не убивал.

– Да? Тогда объясни, почему на оружии преступления найдены отпечатки твоих пальцев?

– Я... Я не знаю...

– А я знаю. У кого был роман с гражданкой Слюсаревой?

– У меня.

– И не только у тебя. Ты знал, что гражданка Слюсарева, помимо тебя, встречалась с капитаном милиции Шипиловым?

– Нет. А разве она с ним встречалась?

– Ну, в общем, да. И ты его приревновал к своей возлюбленной. Так?

– Да не знал я о нем ничего!

– Ну, может, и не знал. Пока с глазу на глаз с ним не остался.

– Как я с ним остался?

– Очень просто. Ты уснул, а к твоей Наталье ночной гость пожаловал. В образе капитана Шипилова. Его моральный облик – дело десятое. А факт остается фактом – он был в доме у гражданки Слюсаревой. Она сама это подтверждает.

– Она что, видела, как я убивал?

– Нет. Но утверждает, что в ту ночь вступала в половую связь с гражданином Шипиловым. Ты спал в одной комнате, а они занимались этим в другой. Потом она отправилась в

душ, а он – на кухню покурить. Одежда и оружие остались в комнате. Улавливаешь мысль?

Зиновий угнетенно мотнул головой. Не улавливал он ничего. Сознание отказывалось воспринимать эти бредовые фантазии.

– Хорошо, я помогу тебе вспомнить, – продолжал умничать следователь. – Ты не спал, ты видел, а может, и слышал, чем занимается твоя возлюбленная. Когда все закончилось, ты зашел в комнату, где находился пистолет, взял его и с ним прошел на кухню, где находился капитан Шипилов. Он пытался тебя остановить, вразумить, но ты все же произвел выстрел. Бросил пистолет на кухне и отправился спать...

– А Наташа что говорит?

– Она говорит, что слышала выстрел. Но к тому моменту, когда она вышла из душа, ты уже лежал на диване. Или спал, или притворялся, я не знаю... Она признается, что пришла в замешательство. В панике выбежала из дома. Думала, что ее в убийстве обвинят. К утру опомнилась, позвонила в милицию. Хотя это могли сделать соседи, которые слышали выстрел. Но это к слову... В общем, ситуация такая, гражданин Нетребин, все факты свидетельствуют против вас. А самой важной уликой является оружие убийства с отпечатками ваших пальцев. Так что, хотите вы признавать свою вину или нет, но отвертеться вам не удастся. Суд и без вашего признания примет доводы прокурора. А как вы думаете, какую меру наказания будет требовать прокурор? Лично я уверен,

что высшую меру. Но выход у вас есть. Чистосердечное признание смягчит вашу вину...

– Не смягчит...

– Ну почему же? Если представить дело как убийство из ревности, то смягчит, – не совсем уверенно сказал следователь. – А если будешь упрямитесь, то высшая мера тебе обещана.

– А если нет?

– Тогда пятнадцать лет строгого режима. Сколько тебе лет?

– Двадцать один год.

– На свободу выйдешь в тридцать шесть. Мне тридцать семь, а я, считай, только жить начал. Женился недавно, сын родился. И все у меня впереди. Так что давай, парень, кайся, пока не поздно...

– Но я не убивал.

– Ты убивал! – разозлился следователь. – Убивал, но ничего не помнишь!

– Не помню, – кивнул Зиновий.

– Уже лучше.

– Но если я не помню, как я могу признаться?

– А не признавайся! Черт с тобой! Все равно улики железобетонные... Так, ознакомься с обвинительным заключением и распишись...

Зиновий слышал, что раньше безграмотные крестьяне ставили вместо росписи крестик. Он же поставил в докумен-

те нормальную роспись, но было такое ощущение, будто он ставил крест – на своей судьбе, на себе самом.

2

– Наталья Павловна!

Резкий мужской голос подействовал как щелчок хлыстом, призывающий лошадь остановиться. Наташа застыла как вкопанная, неторопливо и плавно обернулась на голос. Перед ней стоял печально знакомый опер Лебяжный. Это он раскручивал на признание Зиновия, это он работал с ней самой.

Шипилов уже давно в морге, Зиновию предъявили обвинение и вчера перевели в изолятор. Она же переехала на новую квартиру, где сейчас и обживается. В парикмахерскую ходила – укладка, маникюр. Домой возвращалась, когда появился Лебяжный. Опер поджидал ее во дворе дома. Во-первых, как он узнал, где она живет? А во-вторых, почему он пришел именно сюда? Шипилов тоже подкарауливал ее возле дома, известно, чем это все закончилось...

– В чем дело, товарищ капитан?

Наташа не возмущалась, не кичилась. Это был как раз тот случай, когда она должна была изображать из себя пусть и не совсем тихую, но смирную овечку.

– Да вот, поговорить хочу.

– Люди кругом, шумно.

– Вот и я о том же, – усмехнулся майор. – Может, к себе на чашечку кофе пригласите, а?

– Исключено.

– Почему?

– Один уже напросился.

– Напросился? А может, вы сами его совратили?

– Нет. И вас я совращать не буду, даже не надейтесь.

Уж не для того ли он пожаловал к ней домой, чтобы оказаться с ней в одной постели? Шипилов тоже был не прочь испробовать ее тела. Испробовал на свою голову... Может, и Лебяжный хочет пройтись по проторенной коллегой дорожке, чтобы через это найти ключ к детективной загадке? Но ведь ясно же, что Шипилова убил Зиновий...

– А может, все-таки, а? – насмешливо-похабно посмотрел на нее майор.

– Мне не нравится ваш тон.

– А капитан Шипилов вам нравился?

– Он – да, вы – нет.

– Что, резону от меня никакого нет, да? Какой смысл меня совращать?

– Не понимаю, о чем вы!

– А что тут понимать. Шипилов разрабатывал Чернакова, то есть вора в законе по кличке Черняк. Знаете такого?

Наташа готова была к подобному повороту событий, понимала, что менты могли глубоко копнуть.

– Ну, слышала, – без тени беспокойства во взгляде кив-

нула она.

– А я слышал, что вы спали с ним.

– Вас бессовестно обманули.

– Глупо было бы ожидать признаний от аферистки.

– Это я-то аферистка?! – возмутилась она.

– Праведный гнев оставьте для своих любовников. А у меня вы как на ладони. Вы, конечно же, в курсе, что Шипилов мешал Черняку?

– Без понятия.

– Да нет, понятия вы как раз имеете. А эти самые понятия имеют вас. В лице гражданина Чернакова. Что-то подсказывает мне, что Нетребин Шипилова не убивал.

– А я и не говорю, что он убивал.

– Да, но и не отрицаете. Сдается мне, что Шипилова убрали по личному распоряжению Чернакова.

Лебяжный смотрел на нее в упор – тяжелым пронзительным взглядом. Такое ощущение, будто видел ее насквозь. Наташе стоило большого труда сохранить внешнее спокойствие.

– Я вас не понимаю, – покачала она головой.

– А напрасно, напрасно... В общем, я хотел бы вас предупредить, что после всего случившегося Чернаков не оставит вас в живых. Подумайте об этом. И сделайте правильные выводы.

Майор достал из одного кармана авторучку, из другого – спичечный коробок, начиркал на нем несколько цифр, всу-

чил его Наташе в руку.

– Это номер моего домашнего телефона. Домашнего! Если надумаете, позвоните мне вечером, после десяти. Уверен, что не вы убивали Шипилова. Но и Нетребин, похоже, ни при чем. Мне надо знать, кто настоящий убийца. Звоните!

– И все-таки я вас не понимаю.

– А вы подумайте на досуге и все прекрасно поймете. И позвоните мне. Если, конечно, хотите жить. До скорого свидания!

Лебяжный повернулся к ней спиной и пошел в сторону троллейбусной остановки. Наташа провожала его застывшим взглядом до тех пор, пока он не скрылся из виду...

Прав был майор в том, что Зиновий не убивал Шипилова. Но ошибался, когда говорил, что и на ней нет вины. А ведь она замочила мента. Сначала переспала с ним, для того чтобы разоружить. И когда тот отправился на кухню перекурить, застрелила из табельного пистолета. Застрелила, потому что не видела иного выхода заслужить воровскую милость, а вместе с тем и право на жизнь...

Она убивала Шипилова, а Зиновий тем временем спал крепким сном, виной которому была приличная доза клофелина. Убивала Шипилова и надеялась, что звук выстрела поставит на уши весь дом. Быстро сделала дело, еще быстрее протерла пистолет, вложила его в руку спящего Зиновия, после чего бросила оружие на пол в кухне. И только затем бегом отправилась в душ. Соседи действительно слышали звук

выстрела, но милицию никто не вызывал. Пришлось самой подсуеетиться...

Казалось бы, все сделано как надо. Зиновия закрыли в КПЗ, предъявили обвинение в убийстве, потому что все улики против него. Все было бы хорошо, если бы Лебяжный вдруг не усомнился. Теперь копать начнет. Вернее, уже копает. Установил ее связь с Черняком. А ведь он в чем-то прав! Черняку выгодно будет отправить ее на тот свет. Ведь ему несдобровать, если вдруг она признает свою, а вместе с тем и его вину. Так что про сегодняшний разговор с Лебяжным лучше ему не рассказывать. А то он сделает такие выводы, которые загонят ее в могилу. Ее, молодую, красивую, и в могилу! Это же так противоестественно, ведь ей еще жить и жить. Не хочет она умирать, не хочет... И Зиновий тоже не хочет, но на него наплевать. Вернее, жаль парня, но не настолько, чтобы выгораживать его ценой своей жизни. Пусть его расстреливают, а она должна жить...

Очередная съемная квартира находилась на первом этаже. Удобно: не надо высоко подниматься. И если вдруг что, всегда можно воспользоваться запасным выходом – через балкон. Наташа открыла дверь и замерла, услышав за спиной подозрительный шорох. Страшные мысли посетили ее, настолько страшные, что ее на какие-то мгновения буквально парализовало. Именно этих мгновений и должно хватить, чтобы отправить ее в мир иной. Но никто не торопился насаживать ее на нож.

– Ну чего встала? – услышала она знакомый голос. – Заходи!

Это был Агафоня, «бык» и «шестерка» Черняка.

А сам вор уже находился в доме. По-хозяйски развалился в старом, затертом до дыр кресле. «Сижу на нарах, как король на именинах...» Наташа недоумевала. Откуда он взялся? И вообще, откуда он узнал, где она теперь живет? Что-то здесь нечисто...

– Не ожидала? – наслаждаясь ее растерянностью, надменно спросил вор.

– Э-э... Ты как тот Фигаро, то здесь, то там...

– Все вижу, все знаю.

– С ментом базлала, – из-за спины сказал Агафоня. – Я его срисовал, он это, Волосатика повязал.

– А к тебе чего клеится? – глядя на Наташу, сурово наммурился вор.

– А-а, детали уточнял, как дело было, – вне себя от страшного предчувствия, пробормотала Наташа.

Всеми фибрами чувствовала, что добром эта история не закончится. Неужели прав Лебяжный, неужели его пророчество сбудется так скоро? Не хотелось в это верить, но ведь неспроста Черняк выслеживал ее, тайком проник в ее дом...

– А чего домой к тебе приходил?

– Не знаю.

– Мне свой новый адрес не дала. А ему дала. Что еще дала?

– Я не знаю, как он меня нашел.

– А как Шпилов тебя нашел? Нечисто с тобой, Натаха, ох, нечисто...

Она уже знала, что сейчас произойдет. Агафоня сзади набросит на нее удавку, намертво затянет петлю, а затем уже на обыкновенной веревке подвесит к люстре.

– И с ментом тоже нечисто, – продолжал вор. – Поди, знает, что ты моя маруха.

– Не знаю...

– Ты мне арапа не заправляй, не надо. Засветилась ты, Натаха, да?

– Я не понимаю...

– Да все ты понимаешь! Короче, уехать тебе надо. Далеко-далеко...

– А-а, да, наверно...

– С лавьем как?

– Да ничего, есть немного...

С деньгами у нее все в порядке. В камере хранения на вокзале – семнадцать тысяч восемьсот рубликов. И драгоценностей еще на целую кучу бабок. Состояние, если разобраться. Машину можно купить и кооперативную квартиру с обстановкой. А почему и нет? Хватит с нее, наигралась в блатные бирюльки, за ум пора браться! Пропали он пропадом, этот чертов город вместе со всеми черняками! Советский Союз большой, больших городов много – выбирай на вкус. И специальность у Наташи есть – швея-мотористка. Устроится ку-

да-нибудь на швейную фабрику, вступит в кооператив, встанет в очередь на автомобиль. А может, и замуж удачно выйдет. Возможно, дочку к себе заберет. Да, надо убираться отсюда. И почему она Зиновия не послушала. Удрала бы вместе с ним от Черняка. Или лучше она бы одна ноги сделала, без него. А не послушала парня. Зато воровскую волю исполнила, смертный грех на душу взяла. Может, в монастырь уйти? Ага, конечно!

– Чего задумалась? – насмешливо спросил Черняк. – Уже на майдане, да? Будет тебе майдан, свалишь отсюда. Но сначала я тебе должок отдам...

– Какой должок? – напряглась Наташа.

И невольно прикрыла рукой шею, чтобы хоть как-то защититься от предполагаемой удавки.

– Пять косарей из «общака» отстегну. За мента и вообще...

– Не надо, я же не за деньги старалась... Ты сказал, я сделала...

– Вот я и говорю, что хорошая ты девочка. А хорошие девочки любят цветные фантики. Здесь меня обождешь, я скоро вернусь – башли подвезу. Агафоня с тобой побудет, дегтю ему замути.

– Может, лучше водки? – спросила Наташа. – У меня есть.

– Ну, можно и ханки дернуть. Только это, стелиться не надо. Я тебя хоть и отпускаю, но ты моя бикса. Ждите, я скоро.

– Будем ждать! – Наташа изобразила наивную улыбку.

Она уже поняла, зачем Черняк оставлял Агафонию. Затем, чтобы самому при смертоубийстве не присутствовать. При ее смертоубийстве. Агафоня еще тот зверь, ему человека убить, что на палец себе плюнуть. Но и сама Наташа не промах. Она знала, что делать...

– Ты слышала, что Роман Владиславович сказал? – ласково спросила она у парня, когда вор скрылся за дверью.

Тот смотрел на нее пристально, в упор.

– Чайку мне заваришь.

– Или водочкой подогреть, – лукаво улыбнулась она. – А стелиться нельзя.

– Да я и не претендую.

– Зато я претендую. Нравишься ты мне, Агафоня. Назвала бы тебя красавчиком, да ты обидишься. Ты же правильный пацан, да?

– Правильный, и чо? – повелся он.

– А то, что мы никому ничего не скажем.

Наташа ласковым взглядом облизнула его лицо, шею, скользнула вниз к брюкам. Медленно расстегнула верхние пуговицы на блузке, провела пальчиками по обнажившейся коже груди. Агафоня не смог устоять – взгляд его замаслился, рот приоткрылся – словно в ожидании поцелуя...

– Или сначала по пять капель? – спросила она.

– Сначала пять капель, – очумело кивнул он. – Потом еще пять капель... И еще... Черняк сказал: не стелиться...

– Так никто ж не узнает.

– Он узнает. Он все видит.

– Нормально все будет. Присаживайся. А я на коленки встану перед тобой.

– Зачем? – спросил Агафоня, сглатывая слюну, чтобы промочить пересохшее от волнения горло.

– Тебе понравится. Но сначала водочки...

– Для дезинфекции? – похабно осклабился он.

– Ну, может быть...

Она посадила его за стол спиной к холодильнику. Поставила два маленьких стакана, достала бутылку водки, но наполнила только один.

– А я, наверное, лучше шампанского...

Но шампанским она угостила Агафонию. В ожидании чуда он утратил бдительность и не обернулся к ней, когда она доставала из-за холодильника пустую бутылку из-под шампанского. А когда заметил подвох, было уже поздно. Наташа изо всех сил ударила его по голове. А у пустой бутылки, как известно, убойный эффект покруче, чем у полной. Агафоня вырубился мгновенно.

Добивать его Наташа не стала. Пусть пока живет, а там Черняк с него спросит. Она быстро собрала вещи и, дабы не пытаться судьбу, покинула квартиру через балкон. Мало ли что, вдруг Черняк оставил кого-то во дворе – посмотреть за ней...

Такси, вокзал, автоматическая камера хранения, кубышка с деньгами, ближайший поезд. Наташа уезжала. «И пропади

все пропадом!..»

Глава 7

1

В следственном изоляторе Зиновия обрили наголо, отчего он стал похож на ощипанного воробышка. Затем была «сборка», где его продержали два дня. На третий день пропустили через баню, прожарили вещи, всучили матрац, белье и прочие предметы тюремного быта. Ну а дальше общая – камера, где его ждала неизвестность.

В камеру он входил с ужасом морского путешественника, угодившего на тропический остров, кишмя кишасий черномазыми людоедами. Нет, здесь его заживо не сожрут. Но могут сделать такое, отчего вся его дальнейшая жизнь превратится в ад. Лесничий как-то рассказывал про зону, где он мотал срок. Дикие нравы, дикие законы. Слабохарактерные там долго не живут...

Камера представляла собой тесный гудящий улей. Только вместо пчел – безликая людская масса, на фоне которой черным пятном выделялись развязные трутни с татуировками на всех мыслимых и немыслимых местах. А вместо запаха меда – смрад от грязных тел, ног и нечистот...

Дверь за ним уже давно закрылась, а он все стоял на пороге в ожидании чего-то страшного. Вот-вот гром с небес гря-

нет. И грянул гром! Откуда-то из глубин тюремной камеры выскочила молния в облике раздетого по пояс уголовника с хищным оскалом на все лицо. Золотая фикса, татуировки на плечах и на груди. Одним словом, зловещий вид.

Он ничего не спрашивал, он просто смотрел на Зиновия – вернее, просвечивал его насквозь своим рентгеновским взглядом. Зиновий понимал, что нужно держать хвост пистолетом. Пытался сосредоточиться, чтобы изобразить чувство собственного достоинства и уверенность в себе. Но лицо предательски расплзлось в испуганной гримасе...

Наконец-то арестант соизволил заговорить с ним.

– Как зовут?

– Зи... Зиновий...

Он назвал, и в голове поднялась настоящая суматоха. Дурацкое имя, дурацкий вид, с которым он представился...

– Зина? – омерзительно ослабилась уголовник. – Братва, к нам Зина пожаловала!

Зиновий понял, что пропал. Вот когда его бабское имя сыграло с ним злую шутку! И о чем только думал отец, когда называл его так? Ведь сам ушел к другой женщине, завел новую семью, забыл о них с матерью, а это дурацкое имя осталось...

Камера загудела. Так реагируют болотные комары-кровососы на появление живого мяса. Но напрасно боялся Зиновий, что его начнут пользоваться по неестественному для него женскому назначению. Никто даже не поднялся с места, что-

бы выйти к нему. И его никто не потащил в глубь смрадного болота...

– Твое место на параше, Зина...

Уголовник показал ему на свободную койку возле фанерного закуртка, откуда воняло особенно нестерпимо.

– И спать здесь будешь, и дальняк чтобы в чистоте был. Понятно, Зина?

– Да, конечно...

Зиновий бросил скатанный матрац на свободную койку, застелил белье, накрыл одеялом. Сокамерники с насмешкой посматривали на него. Такое ощущение, будто они ждали начала какого-то циркового представления. И если так, то Зиновий уже знал, кто будет клоуном. Он и сам замер в жутком ожидании. И в конце концов дождался.

К нему сквозь тесноту камерного пространства продрался тот же самый уголовник с золотой фиксой.

– Зина, ты чо, спишь? – с издевательской насмешкой на тонких губах спросил он. – Я же тебе русским языком сказал – параша твоя. Дальняк ты шнырить будешь.

Зиновий понял, что его заставляют убирать сортир. Но уж лучше это, чем то, чего он больше всего боялся. Он поднялся на ноги, обреченно опуская плечи. Надо так надо... В армии он через два дня на третий в наряды ходил, и все дневальным по роте. Два года чужое дерьмо выгробал, и ничего, живым и здоровым домой вернулся...

– Да погоди ты, – осадил его фиксатый. – Сначала отдохни

с дороги, водички попей. А я тебя водичкой угощу, браток. Вертун, ходь сюда!

Перед Зиновием всплыла еще одна уголовная рожа. В одной руке три одинаковые алюминиевые кружки.

– Сходи, водички набери, – велел он.

Зиновий послушно сходил к умывальнику, набрал воды во все кружки. Когда вернулся, фиксатый и его дружок уже сидели на его койке. Вертун взглядом показал на табуретку, но вовсе не для того, чтобы Зиновий сел на нее. Он должен был поставить туда кружки, а сам остаться стоять.

– Играть будем, – ощерился он. – Игра такая, «Светофор», может, слышал, а?

– Нет, – подавленно мотнул головой Зиновий.

– Ну, я тебя научу. Смотри, эта кружка обозначает красный цвет, эта – желтый, эта – зеленый. Я сейчас их прокручу, а ты отгадаешь, какая кружка какого цвета. Сечешь?

Зиновий подавленно кивнул, хотя на самом деле невозможно было понять, как определить цвет той или иной кружки. Ведь они абсолютно одинаковые. А если Вертун их еще и прокрутит, то все вообще запутается до невозможности.

– Угадаешь – хорошо, нет – выпиваешь воду. Так, начнем. Какого цвета эта бадейка?

– Зеленого.

– Ты что, дальтоник, в натуре? – хмыкнул фиксатый.

Это означало, что Зиновий не угадал. Может, и угадал, но ведь проверить не было возможности: все кружки абсолют-

но одинаковые. И фишка в данном случае могла лечь только так, как ее захотят положить уголовники. А они все против новичка, значит, шансов на правильный ответ у Зиновия не было.

– Я слышал, бабы дальтонизмом не страдают, – осклабился Вертун.

– Я не баба, – угрюмо буркнул Зиновий.

– Так потому и дальтоник, гы. Ну, Зина, давай, дерни за наше здоровье!

Первую кружку Зиновий осушил в охотку: очень хотелось пить. Вторую без всякого вдохновения. Третью выпил через силу. Четвертая залезла в живот с огромным трудом. И непонятно, как в раздутый живот поместилась пятая и даже шестая. А вот седьмая идти внутрь не захотела. И насилие над собой вызывало рвоту. Зиновий еле успел заскочить за фанерную перегородку и вывернуть свое чрево наизнанку...

Затем наступила передышка, во время которой Зиновий надраивал загаженную чашу «Генуя», в простонародье именуемую «очко». После чего снова была игра в «Светофор». И снова он пил воду до тех пор, пока его не вырвало. И снова приборка. А потом опять издевательства.

– Зина, ты чо, беременный, а? – глумливо спросил фиксатый. – Что-то часто тебя тошнит, ты не находишь?

– Признавайся, Зина, с кем девственность потерял, а? – развеселился Вертун. – Потерял, да? Чего молчишь? Молчание – знак согласия. Значит, не целка ты у нас, Зина?

– Не было ничего, – чуть не плача от обиды, промямлил Зиновий.

– Чо, непорочное зачатие, да? – продолжал глумиться фиксатый.

– Нет ничего.

– Да, а мы проверим! Проверим, Зин, а? Ну, чтобы потом разговоров не было?

– Как?

– Да просто. Воронку в твое «просто» вставим. И воду зальем. Если вода уйдет, значит, баловали тебя, если нет, тогда живи спокойно.

– Себе залей!

Это была первая попытка протеста с его стороны. Слишком все далеко зашло, чтобы идти на поводу у этих ублюдков.

– Что ты сказал? – взвился фиксатый.

И резким движением схватил его рукой за горло. Зиновий не сопротивлялся. Но и скулить не стал. Закрыв глаза – в бессилии предпринять что-либо в свою защиту. И в ожидании, будь что будет.

– Нифель, оставь его! – услышал Зиновий чей-то властный и в то же время флегматичный голос. – Не ведется тюльпан на примочку, и не надо. Пусть шнырит, а обижать его не надо. Пусть пока живет...

Зиновий не знал, кто заступился за него. Но ясно, что этот человек имел какую-то власть над фиксатым. Да и над всеми,

кто находился в камере.

Нифель отпустил Зиновия.

– Живи, чушок, пока живется. А про парашу не забывай...

Так началась его новая жизнь, весь смысл которой вдруг свелся к одной-единственной, но позорной в этом мире обязанности – убирать и чистить сортир за каждым, кто справит в нем нужду. А камера вмещала в себя без малого тридцать человек, считай, целый взвод, если по армейским понятиям. Жаль, что понятия здесь были совсем другие, гораздо более злые и извращенные. Дембеля со своими замашками отдыхали...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.